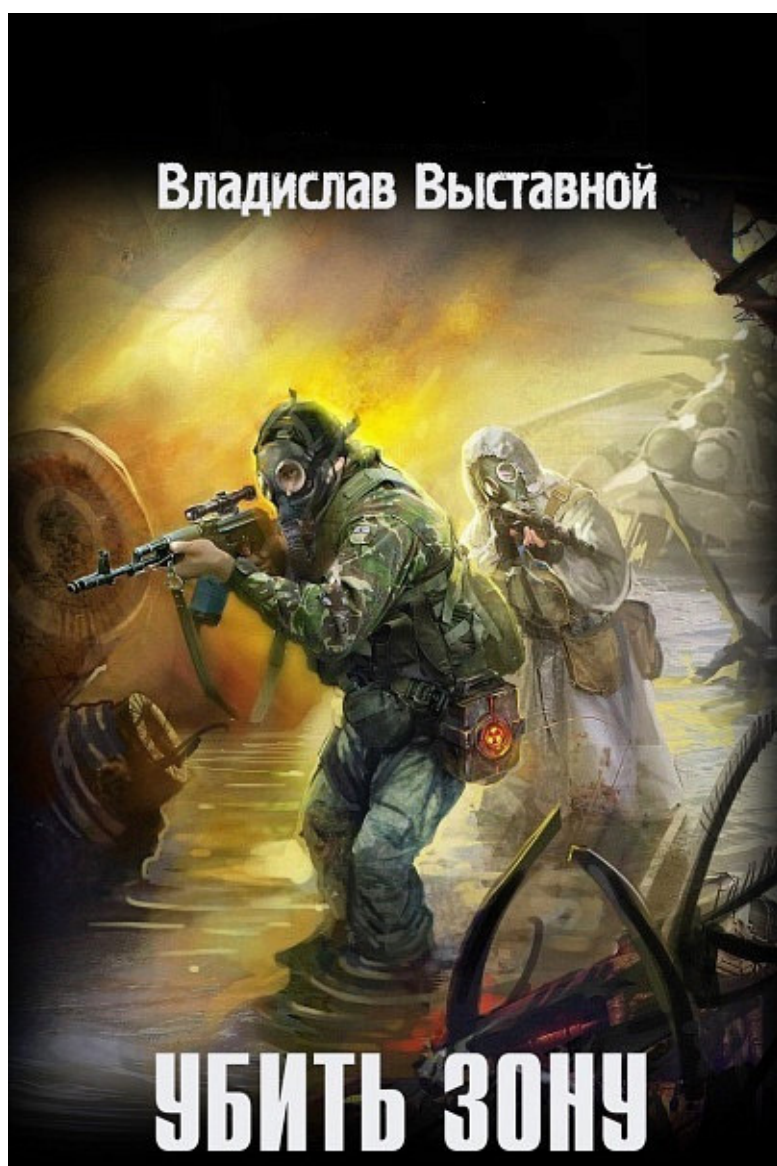


Владислав Выставной



УБИТЬ ЗОНУ

Владислав Валерьевич Выставной
Убить Зону

Серия «Апокалипсис-СТ»

Серия «Бука», книга 1

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4236335
Убить Зону: АСТ; Москва; 2011
ISBN 978-5-17-073240-1, 978-5-271-34800-6

Аннотация

У каждого своя причина любить и ненавидеть Зону, отдающую ценные артефакты в обмен на человеческие жизни. Кто способен бросить вызов силам, создавшим это темное место? Разве что – странный, нелюдимый бродяга по прозвищу Бука. Плоть от плоти порождение Зоны, отлично приспособленный, словно подогнанный под жизнь во враждебной человеку среде, он мог бы стать лучшим из сталкеров, и хабар сам тек бы ему в руки, но.

Все, что ему нужно, – уничтожить ненавистную Зону. И теперь, наконец, у него есть возможность расправиться с ней. Первый шаг – собрать команду из обреченных на смерть неудачников. Только будут ли спасенные рады такому «счастливому» избавлению? Да и понравится ли замысел Буки сталкерам?

Но решение принято, и только Черный Сталкер знает, куда ведет свою первую и последнюю группу мрачный безумец.

Содержание

Глава первая. Без шансов	4
Глава вторая. Бука	13
Глава третья. Слово сталкера	24
Глава четвертая. Воздух «Свободы»	33
Глава пятая. Аномалия	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Владислав Выставной

Убить Зону

Глава первая. Без шансов

Хуже и быть не могло.

Остаться посреди Зоны, в самом пекле, без оружия, без связи, не понимая толком, где находишься, что делать дальше... И главное – в полнейшем одиночестве, когда не у кого спросить, что и к чему в этой проклятой «черной дыре», разъедающей планету, про которую только и знаешь, что набор страшных историй, в изобилии блуждающих по сталкерским кабакам. И приятным бонусом ко всему прочему – начинало темнеть.

Петля, как в трансе, топтался на месте, нервно размазывая рукавом по лицу кровавую жижу с осколками костей и ошметками мозгов – и не какой-нибудь злобной дикой твари, а самого бугра, вздумавшего, вдруг, поиграть в зомби. Это было похоже на бред – последний патрон всадить в своего же. Который, правда, с чего-то вдруг перестал быть своим.

Да и никогда не был, чего уж там. Его, как раз не жалко, подлую мразь.

Только, вот, что же теперь, отцы, делать? Конечно, и до того не раз приходилось с тихой злобой ныть на конченную суку-судьбу, загнавшую его, как зверя, в совершенно безнадежную ситуацию, буквально воткнувшую башкой в темный угол, поставившую на колени, жестко загнувшую и ежедневно тычущую его мордой в собственное дерьмо. Но, оказывается, все это была лирика. Так сказать, проза жизни.

А сейчас это был полный кирдык, дальше некуда. И ладно, если бы он был настоящим сталкером. Но он был никем – тупой, ни хрена непонимающей «отмычкой». Мясом, которое берут в Зону, для наживки на всяких тварей и кормежку для неожиданных аномалий.

С самого начала казалось, что группу их, тайком пробирающуюся через Периметр, будто проклинали. Даже бугор под конец стал бормотать об этом, когда непруха стала полной. Вначале идиотский косяк с патрулем, где осталось валяться пять трупов – двое своих братков, и три ооновца. Хорошо, если всех насмерть – а если кто-то вдруг жив, и начнет, как очухается, сдавать имена и явки? Не тот случай, чтобы небрежно отмахнуться. Не тот, гребанный случай!

Потом череда аномалий на всеми исхоженной тропе – там, где никаких аномалий отродясь не было. Вот вам еще два покойничка – и полетевшая нахрен электроника детекторов аномалий и раций. И под конец эти чертовы собаки. Хотя, нет, было еще кое-что похуже слепых собак.

Самое во всем этом нелепое – то, что добывать это вожащенное лучистое дерьмецо своими руками и не пришлось вовсе. На вполне безопасную солнечную полянку, в хорошо укрытой от посторонних глаз ложбине, принесли его какие-то хмурые, вооруженные до зубов сталкеры. Точнее – притащили, вчетвером, в массивном, железном, с толстой крышкой, ящике, напоминающем несгораемый шкаф. И все, что оставалось сделать – так это перелить тонкой струйкой то, что плескалось в ящике, на самом его донышке, в свой компактный керамический контейнер. При этом сталкеры напрочь отказались помогать – они держались метрах в пятидесяти от пыхтящих от натуги братков, переливающих это подозрительное зелье в крутую фирменную банку. При этом братки не побрезговали напялить на себя уродливые армейские костюмы химической защиты с массивными «мордами» противогазов – все это добро приходилось, надрываясь, тянуть на себе Петле, и он не без облегчения смотрел, как брезгливо избавляются бандиты от прорезиненных «комбезов»: назад это тащить

не придется. Что это была за опасная дрянь, добытая в мрачных недрах Зоны, его не интересовало в принципе.

Впрочем, когда ребристая белая крышка контейнера была закручена, сталкеры подошли поближе – и спокойно потребовали, очевидно, заранее оговоренной суммы. Тут-то им и довелось познакомиться с природной тягой бандитов к исполнению собственных обязательств. Пока бугор протягивал старшему этой группы туго свернутый резинкой денежный рулон, Шестипалый, обманчиво похожий на добродушного увальня, зашел, как бы невзначай, со спины, ухватил ближайшего сталкера за загривок, да так быстро и ловко всадил ему «перо» в ямку между ключицей и лопаткой, что остальные не успели ничего понять: по сталкерской привычке они следили за автоматами чужаков, которые были у тех демонстративно сложены на землю. Пока остальные трое тянулись к своим «калашам», бандиты уже успели выхватить припрятанные в рукавах «перья». Шестипалый пользовался тем преимуществом, что все еще был позади сталкеров. Он успел выдернуть из фонтанирующей кровью раны «перо», и стремительно вогнать его под лопатку еще одному ошалевшему от неожиданности сталкеру. Дальше все решила внезапность и преимущество в живой силе. Во время этих событий не прозвучало ни одного выстрела, даже криков толком не было.

Но именно в тот момент Петля почувствовал, что его дело швах. Если из-за какого-то лучистого дерьмеца бандиты пошли на такой неслыханный беспредел – значит, дело того стоило. И резали сталкеров не за деньги – убирали как ненужных свидетелей. А уж такой ничемный свидетель, как он, Петля, им вообще нахрен не сдался. Его дело – доработать отмычкой и носильщиком до Периметра. А там... Даже думать об этом не хотелось.

И вот – на тебе! Все они – и здоровяк Шестипалый, и юркий Живчик, и молчаливый, с тяжелым взглядом, Хирург, и сам бугор, которого уважительно именовали Игорь Анатольевич – все они валялись у его ног, в лужах крови, в обнимку с выпущенными кишками, в лапшу изрезанные друг дружкой.

Хочешь, не хочешь – а так и начнешь верить в Черного Сталкера, это нелепое местное божество. А ведь он, дурак, поначалу не верил. Не верил – да поперся в Зону, искать лучшей жизни. Надо было оказаться полным ослом, чтобы искать лучшей жизни в этом проклятом месте.

С самого начала умные люди твердили: не лезь ты в Зону, не твое это, просто не твое. Потому что сталкер – это не профессия и не способ пошабашить, подзаработать денег, да расслабленно свалить на моря с пышногрудой телочкой. Сталкер – это образ жизни, это часть особого сообщества, часть клана. Часть Зоны, чтоб ее так и раз эдак... А ты – просто гастарбайтер от Зоны, твое дело штукатурку класть, дыры в стенах сталкерского бара заделывать да мебель чинить. У них ведь что ни день – погром да драка. Вот они, настоящие сталкеры! А ты?!

А если уж и решил поискать приключений на собственную задницу, поиграть в крутого перца – то хотя бы, не связываясь с бандитами! Правильно люди говорили, правильно. Только, вот, у них на лбу, что ли, написано – бандиты они или нет? Да для него тогда все сталкеры на одно лицо были, и все как один – вылитые бандюганы. Нет, правда, а чем какой-нибудь член сталкерской группировки отличается от матерого бандита? Разве что, содержанием наколок, да и то не всегда. А так – погоняла у всех вместо нормальных человеческих имен, группировки – как ганстерские шайки в каком-нибудь негритянском гетто, сплошь нелады с законом, оружие, убийства, да и манеры у всех явно не в Оксфорде получены.

Короче, он вляпался. И по большому счету, тогда все и началось, а кончилось тем, чем должно было кончиться.

И теперь ему крышка.

Ну, допустим, ему повезло – и он вернулся. Живой, здоровехонький, малость поседевший и хватанувший пятидесятикратную дозу радиации. И что дальше?

А дальше вот что.

Он появился из Зоны один. Он, Петля – никто в уголовной иерархии, распоследняя отмычка, дерьмо собачье, чья задача – сдохнуть самому, но вернуть в целости и сохранности бугра. Или, хотя бы, хабар. Потому как его, Петлю, только потому до сих пор на перо не посадили, что он – рабочая лошадь. Шестерка, которая таскает хабар бесплатно, за жратву, из страха, что его «счетчик» может ускорить свое и без того дикое верчение. Потому как, становясь должником у бандитов, ты перестаешь быть человеком. Ты становишься рабом. И не стоит думать, что с долгом можно хоть как-то расплатиться. Не тот случай. Может у каких-нибудь благородных подонков, рассекавших на фрегатах по Карибскому морю, и принято было отпускать пленного за выкуп.

У бандитов Зоны свои правила. Точнее – их полное отсутствие. Сколько бы ты ни платил – всегда найдется повод, чтобы заработанное тобой списать на недоимки, штрафы и еще круче задрать счетчик. Это ловушка. Как трясина, которая затягивает все сильнее – пока ты не захлебнешься зловонной черной жижей. Он ведь не сразу въехал во всю эту схему – когда получал щедрые подъемные, когда бугор добродушно выпивал с ним, как и с другими кандидатами в бандитские отмычки, а вся эта расписная кодла с дружным ржанием хлопала его по плечам.

Он должник. Не член известной сталкерской группировки «Долг», а лох, который тупо должен, и должен бандитам. Должен по гроб жизни – и это не эпитет.

И как он только понадеялся, что этой ходкой он, наконец, избавится навсегда от этой зависимости! Ведь то жиденькое лучащееся дерьмецо, что они с шутками и прибаутками тащили в керамическом контейнере странной формы, ради которого, собственно, и было затеяно рискованное предприятие, осталось там, на участке, отхваченном какой-то тварью. Той, что заставило бандюков выплеснуть наружу всю свою поганую сущность – и устроить этот чертов кровавый междусобойчик.

Сказать по правде, обладай Петля таким же могуществом, как та тварь, что залезла к ним в мозги, он и сам бы потешился, глядя, как его мучители рисуют друг на дружке купола своими ножичками. Но он не был такой тварью. И более того, странным образом, меньше других оказался подверженным влиянию убийственного пси-поля. Однако же, последнюю пулю из дробовика высадил, все же, именно он. Пуля типа «турбинка», на крупного зверя – в момент превращает человеческую голову в разбитую миску с томатным супом. Бах – кровавые брызги во все стороны – и тело медленно падает на спину, как елка на лесоповале.

И все.

Все кончилось сразу. Словно та невидимая тварь так и задумала: перебить всю эту шоблу и оставить его одного – словно в издевку. Вот же сука!

Петля готов был разрыдаться. Он стоял среди трупов тех, с кем шел на дело, и понимал, что так, наверное, и наступает конец. Патроны, практически весь боекомплект, они расстреляли во время последней атаки слепых собак. Черт его знает, в чем там было дело – но стая упорно шла по их следам, и, похоже, волновало их вовсе не мясо – а то, что было в том странном, граненом контейнере, покрытом белой гладкой керамикой. И когда Шестипалый, не выдержав, темпа споткнулся и выронил контейнер – твари бросились не к нему, пожрать его мясистую задницу, а к контейнеру.

Тогда все пятеро из оставшихся в живых наблюдали эту дикую картинку: чертовы слепые собаки копали яму – как самые обыкновенные псы, отбредиваясь, отбрасывая землю лапами, копали упорно, сменяя друг друга, глубоко копали – будто собирались вырыть могилу. И под конец этого зоологического зрелища вожак, поджарый чернобыльский пес, просто спихнул контейнер жуткой узловатой лапой – прямо в чертову «могилу». Или могильник – пес его знает. И вся эта свора стала преспокойно так зарывать «ямку», будто припрятывала косточку на черный день.

Надо было видеть лицо бугра: он зверел прямо на глазах, зверел от бессилия. Есть у бандюков такая слабость натуры: тупой воровской гонор, не признающий поражения перед объективными обстоятельствами. Ну и что, что в магазинах остался лишь неприкосновенный запас патронов – на случай прорыва Периметра или еще, черт знает чего? Это ведь Зона – здесь нельзя давать волю эмоциям.

С другой стороны, понять их можно: они видят, как безмозглые твари у них перед носом закапывают то, ради чего полегли уже четверо братков, и что, по туманным намекам, тянет на сумму с шестью нолями, а то и более! Нет, в такой ситуации бандитов «на слабо» лучше не брать. Стрельбы было просто не избежать.

В большей своей части стая была уничтожена. Стрелять в упор по слепым собакам – это вам не по псевдогиганту палить. Большая часть стаи полегла на месте, вожак и еще пара особей ушли.

И вся бандитская шайка-лейка собралась вокруг этой полужасыпанной собачьей ямы, в глубине которой, из-под песка торчала белая крышка. Шестипалый присел – и потянулся к контейнеру, склоняясь над ямой... Тогда-то все и началось. Ударило по мозгам чье-то мощное пси-поле – и из нутра, будто паста, выдавливаемая из тьюбика, полезло сокровенное. По крайней мере, так это ощутил Петля. В его случае сокровенным оказался страх. Оттого он рухнул на четвереньки и попятился в обнимку со своим раздолбанным дробовиком. Из бандитов же полезло то, что и должно было из них ползти: злоба, агрессивность, жажда крови. Последним, самым хитрым и коварным, как и полагается бугру, остался Игорь Анатольевич. И когда он, весь в кровище своих сотоварищей, поигрывая зверского вида ножиком, полез освежевывать все еще живую «шестерку», Петля собрал в себе остатки воли, упер в землю приклад дробовика – и жахнул в нависшего над ним «зомби».

Просто Петля не стал тратить последний патрон на бессмысленную стрельбу по собакам: у него не было бандитского гонора, и на перо полагаться он тоже не привык.

Но теперь он видел, как на засыпанный контейнер лениво улегся сверху жуткий чернобыльский пес. И удивительно было не то, что он сторожил свою дьявольскую «прелесть» в керамической банке, а то, что не бросился немедленно на беззащитного человека. Что само по себе явление трудно объяснимое. Тут же рядом с вожаком возникли две слепые собаки – те, что уцелели во время бойни. О том, чтобы голыми руками отобрать у мутантов хабар, не могло быть и речи. Петля сначала медленно попятился. Стараясь не отводить взгляда от чудовищ.

А потом побежал.

Это было просто безумие: он понятия не имел, куда бежит, имея все шансы вляпаться в какую-нибудь шальную аномалию. Ему и впрямь посчастливилось не впороться на бегу в какую-нибудь мясорубку, не влезть ногой в комариновую плешь. Правда, от пригоршни жгучего пуха увернуться не вышло, но это в его положении, считай, что совсем ничего. Тем более, что от летящей навстречу искрящейся пыли он успел прикрыться ладонью. Что ж, работу «модели рук» ему и без того никто не предлагал, а распухшая рябая и саднящая лапа в его положении – не повод для нытья.

Но, наверное, и вправду люди говорят: дуракам везет. До поры до времени, конечно: везенье кончилось, когда он споткнулся и скатился в неглубокий овраг, заваленный всяким ржавым хламом. Как бесправная и безответная отмычка, он плохо ориентировался на территории Зоны, но предположил, что находится где-то на окраине Свалки. Прополз немного на четвереньках, выглянул из-за бугорка.

Точно, Свалка. Вон она, брошенная, насквозь радиоактивная техника, какие-то автобусы, грузовики, просто груды расплющенного металла, вляпавшегося, надо полагать в самый гравиконцентрат. Только сейчас вспомнилась эта пакость – «комариная плешь», возникшая вдруг на исхоженной тропке. Вообще-то впереди полагалось двигаться именно ему,

отмычке – на то их и берут с собой, причем, не только бандиты, но и те, кто считает себя честными сталкерами. Такова уж тут традиция, вроде тюремной прописки: назвался сталкером – полезай в отмычки. Если выживешь за пять-шесть ходок – может, и будет из тебя толк. А в тот момент его вдруг так прижало – просто сил никаких нет. Хоть пером его режь – а надо остановиться и присесть на обочине. Бугор скривился, ясное дело, но разрешил: мало удовольствия гнать перед собственным носом с головы до ног обдристанную отмычку. И вот, пока Петля кряхтел и обливался потом, избавляясь от сомнительного ужина в сталкерском кабаке, Мизинчик-то и вляпался. Даже со своего насеста Петля видел, как все случилось: просто шел такой шустрый малый с «узи» под мышкой (тоже понты – не признавал нормального оружия, «калаш» ему, тяжел, видите ли). Шел, да вдруг, раз – будто наступил на него какой-то невидимый великан. Мизинчик даже ойкнуть не успел, только с хрустом полопались под собственной тяжестью кости, плюхнулось, обращаясь в кисель мясо – и Мизинчика всосало в землю Зоны-матушки, ибо в одно мгновение стал он весить несколько тонн, что многовато для хрупкого человеческого организма. Только грязное пятно и осталось, да еще расплюснутый «узи» поверху. «Калашников» ему тяжел, видите ли.

Тогда его, Петлю чуть не убили. Бугор восстановил видимость справедливости: отмычка никак не могла знать о коварной «плеши», да и прижало ее не в шутку: идите, полюбуйте, как он экологию Зоны загадил... На самом деле, плевать бугор хотел на справедливость – просто только что, прямо у всех на глазах, была доказана истинная ценность отмычки на территории Зоны. И его грубо, стволами, погнали вперед, не дав даже штаны застегнуть.

Тогда ему просто повезло. Ну а теперь-то что желать? Свалка – это, блин, хреновое место. Без датчика аномалий тут во что угодно влететь можно, не говоря уж о всяких бродячих тварях...

Что-то зашуршало в глубине металла. Петля судорожно сглотнул, присел, прижимаясь к земле. И действительно, в наступающем сумраке показался первый обитатель Свалки. Нет, это был не какой-нибудь заблудший кровосос. И даже не слепая собака.

Крыса. Обыкновенная серая крыса – один из самых живучих на Земле организмов, если не считать столь же серых ворон. Петля облегченно перевел дух. А зря. Потому что вслед за этим шустрым зверьком с забавной подвижной мордочкой последовал еще один. И еще. Крысы выбирались из своих укрытий, водили серыми носами, принюхиваясь. Человеческое присутствие явно привлекало их внимание. Петля пока не догадывался, к чему дело идет, но смутное беспокойство уже закрадывалось ему в душу.

Он не боялся крыс. В отличие, скажем, от пауков или змей. В детстве у него даже была маленькая ручная крыса. Он любил таскать ее у себя на плече, она смешно щекотала шею своими подвижными усиками и до смерти пугала девчонок. Это забавные и беззлобные создания. Пока их не станет слишком много.

А крысы все перли. Причем, уже с разных сторон. Похоже, они еще не определились с дальнейшими действиями и делали вид, что просто выползли из своих бесконечных нор подышать свежим воздухом Зоны.

И тут до Петли дошло: не станут они просто так выползать скопом наружу, чтобы просто полюбоваться закатом. И если они уж поперли... Он стал медленно пятиться – стараясь прорваться сквозь серую крысиную блокаду и при том – не дай Черный Сталкер – не наступить на одну из этих тварей. Ничего не получалось: он пятился – и грязный крысиный ковер двигался вместе с ним.

Теперь уже не осталось никаких сомнений: крысы собрались здесь по его душу. Петля ощутил невероятное омерзение и ужас. Вот и еще один повод почувствовать собственное ничтожество: Зона брезгует тратить на него даже самую жалкую из своих аномалий, самого затрапезного мутанта. Его попросту сожрут серые паразиты.

Однако, крысы по-прежнему не нападали. Петля лихорадочно пытался сообразить – почему? Возможно, должна собраться некая критическая масса животных, которая и примет решение: пора жрать. А может... И тут он вспомнил еще кое-что, что мельком слышал про грызунов Зоны. Крысиный волк! Вот, кто ведет эту серую армию. Наверное, он решил появиться последним. А может...

Сердце Петли заколотилось лихорадочно, с перебоями: он представил себе, как этот серый монстр выбирается из глубин почвы, выталкивая перед собой на поверхность рядовую серую массу – которая просто мешает протиснуться его гигантской туше...

И тогда он не выдержал и побежал – прямо по серым тушкам, что под его ногами хрустели и отчаянно визжали, пытаясь цапнуть и прокусить крепкий армейский ботинок. И едва он преодолел границу окружившего его серого пятна – как вся масса с яростным визгом, переходящим в ультразвук, ринулась в погоню.

Он хотел пройти по верхней кромке котлована – только сумасшедший псих сунется в карьер без детектора аномалий. Да только какая-то наиболее шустрая особь метнулась вперед, вгрызлась в подошву – и он поскользнулся, аккуратно, как на банановой кожуре, благо, что шкурка «зоновской» крысы слетает с жировой прослойки не хуже, чем кожура с банана. Он кубарем полетел вниз, краем глаза замечая, как вся эта серая масса волной перехлестнулась через край котлована, стремясь захлестнуть его с головой.

– Твою мать! – захлебываясь в тяжелом дыхании, выдохнул Петля, вскакивая и сдерживая с рукава вцепившуюся серую тварь. Крыса металась в руке, отчаянно визжа и исходя пеной. Он швырнул ее за спину, в шуршащее и визжащее море – и кинулся к единственному убежищу, которое он видел перед собой – древний ржавый автобус. Хотя «убежище» вполне могло оказаться радиоактивной ловушкой, под завязку набитой аномалиями. Но мозги уже не работали, и вперед гнал только тупой животный страх. Он влетел по гнилым ступенькам в узкие двери, со скрежетом задвинув за собой ржавую «гармошку». Крысы дробью заколотили в металл, налетая на дверь, видимо, по инерции.

Он бросился к окну: всюду, куда доставал взгляд в быстро сгущавшихся сумерках, виднелись крысы. Они деловито осваивали окружающее пространство, они были здесь полноправными хозяевами. Хотелось развеяться от беспомощности – но он не решил еще, что лучше: просто реветь или сразу сойти с ума, чтоб не мучиться вопросом – что будет дальше?

Крысы, между тем, не теряли времени: он быстро отыскивали ходы в этом гнилом ящике, с аппетитом вгрызаясь в трухлявый металл, протискиваясь сквозь щели.

– У гадина! – заорал Петля, пытаясь припечатать каблуком первую проникшую во внутрь особь.

Та локо изворачивалась и все норовила вцепиться в голень. Наконец, получилось ее отфутболить, но тесный салон заполняли уже десятки разозленных грызунов. Петля метнулся в корму салона, выискивая спасительный лаз в треснувших стеклах.

– Выдерни шнур, выдави с-стекло... – запинаясь, прочитал Петля облезлую трафаретную надпись на стенке.

Судя по всему, когда-то здесь именно так и поступили: стекла не было, резиновое окаймление успело сгнить и превратиться в серую кашу. Он нырнул в окошко, попутно разворачиваясь и хватаясь за скользкий скат крыши. Пожалуй, это была самая последняя дорога к спасению. Если оно вообще возможно, это спасение. С трудом подтянулся, задыхаясь, чувствуя, как скользят руки: физическая подготовка никогда не была его сильным качеством. Но его словно подталкивали вцепившиеся в штанину гроздьи из наиболее шустрейших крысенок: они норовили уцепиться когтями, взобраться повыше и вцепиться жертве в аппетитную шею. Несколько тварей сорвались, некоторые взбирались все выше.

Оказавшись на ногах, возвышаясь над грязным песком котлована, Петля отчаянно заплясал на месте, размахивая руками и пытаясь смахнуть с себя мерзких тварей. Он отшвы-

ривал тощую серую тушку – но та, прошуршав по металлу крыши, мгновенно становилась на лапы – и вновь бросалась в атаку.

– Пшла! – отчаянным ударом ботинка Петля избавился от соседства с последним грызуном.

Теперь здесь, на крыше он был полновластным хозяином. По крайней мере, еще на несколько минут – пока серые твари не выстроят вдоль ржавых балок когтистую и зубастую живую лестницу.

И тут он увидел его. Внизу, среди остальных крыс – но окруженного, тем не менее, широким пятном свободного пространства, словно полосой отчуждения. Маленькие красные глазки сверкали на неподвижной морде, кошмарной, словно сотворенной декораторами фильма ужасов. И смотрели эти глаза прямо на него. Эти глаза хотели, жаждали его плоть. И на это его желание работало сейчас все крысиное полчище.

Гнусную тварь, что заправляла всем этим крысиным беспределом, он узнал сразу, хоть и в глаза никогда не видел подобного. Потому что это и не мог быть никто другой, кроме как крысиный волк – мерзкое порождение Зоны. Будь у Петли автомат, да что там – паршивый пистолет – то и вопросов бы не было. Крысы – это вам не слепые собаки, не плоть, не кровосос. Это просто крысы. И даже крысиный волк – тварь вполне уязвимая, если, конечно не атакует в замкнутом пространстве туннелей. Но это умная тварь, и нападение это совершенно не случайно: крысиный волк почуял, или же ему доложили шустрые серые шпионы – у этого двуногого нет оружия, он труслив и беспомощен, не в пример иным посетителям этих мест. Ему нечего противопоставить тысячам острых, как кусачки, зубов. А такая куча дармового мяса с неба не падает.

Петля беспомощно озирался, пытаясь выхватить на прилегающей к автобусу территории хоть одно свободное пятно, и всюду его взгляд утыкался лишь в эти безмозглые, но оттого не менее колкие взгляды, на эти втягивающие воздух носы и понимал: вот это действительно крышка. Крысы пищали все ближе, создавая не одну, а несколько живых лестниц: так, чтобы, сколько бы он ни бегал от одного конца крыши до другого, сбрасывая тварей, – все равно, в одном месте плотину неотвратимо прорвет, и на него набросятся сначала десятки, а после уж и сотни злобных голодных пастей. А еще он увидел, как, привлеченные всей этой возней, стали слетаться сюда вороны. Почуяли, суки, скорый запах падали...

Тут-то он и начал молиться Черному Сталкеру. Все мы однажды начинаем молиться – даже самые отъявленные атеисты. Потому что однажды понимаешь, что никакой ты не человек-царь-природы, а всего лишь одно из бесчисленных звеньев пищевой цепочки. И поскольку не хочется осознавать себя просто жратвой для крыс или могильных червей – ты начинаешь вымаливать спасение – для чего-то иного, что недоступно всей этой мрази. Для души, что ли...

И надо же было такому случиться – едва он пробормотал свои бессвязные, но страстные призывы к неприкаянному Черному Сталкеру, как что-то изменилось в окружающей обстановке. Боковым зрением Петля заметил, как неожиданно одна из ворон вошла в совсем не типичный для этих пташек вираж. Понеслась по кругу, все ускоряясь и теряя перья...

«Птичья карусель!» – мелькнуло в голове, и тут же Петля с ужасом понял, что только что промчался в каких-то сантиметрах от края аномалии. А вот кое-кому из крысиного воинства не повезло: коварная аномалия вдруг загребла в охапку с десятков серых вопящих тушек – и принялась кружить со все нарастающей скоростью, при этом разрастаясь и подгребая под себя все больше и больше хвостатых тварей. Бешеная круговерть из серых зверьков вдруг взорвалась кровавыми ошметками – маленькие тела не выдержали чудовищных центробежных перегрузок. И пространство метров на двадцать вокруг густо усеяло освежеванной плотью.

Похоже, для крысиного волка это была полная неожиданность: он мгновенно потерял контроль над стаей. Крысы на время оставили манящую, но пока еще недоступную жертву – и бросились жадно пожирать останки собратьев. Это был тот самый счастливый случай, не воспользоваться которым – значит, прогнать Хозяев Зоны. Петля со всей дури сиганул с автобуса, отчаянно перебирая в воздухе ногами и стараясь приземлиться помягче, не сломав себе чего ненароком. Воспользовавшись неожиданным каннибалистическим ажиотажем, он рванул по откосу вверх, прочь из котлована. Ботинки проскальзывали под рыхлым грунтом, под ногти набивалась черная, радиоактивная земля Зоны, но он карабкался, что было мочи, зная, что это, возможно, его последний шанс.

Уйти ему, все же, не дали. Крысы мгновенно смели неожиданный аперитив из плоти и крови собственных собратьев, и теперь могли вернуться к основному блюду. Петля, спотыкаясь, уносился во мрак, чувствуя, как по пятам шуршат тысячи хвостов и тысячи лапок с острыми когтями. И где-то совсем близко готовится к смертельному броску жуткий, как сама смерть, крысиный волк.

Он мчался наугад. Мелькнула, вроде бы, железнодорожная насыпь – и он шарахнулся от нее, как от толпы прокаженных: где-то здесь, как говорили, были нешуточные очаги радиации. Хотя не могло здесь быть никакой железной дороги – до нее от Свалки как до небес. Неужто, опять какие-то шуточки Зоны или у него у самого уже поехала крыша? А вот это – запросто, это даже к лучшему. Все равно, без ПДА, датчика аномалий и счетчика Гейгера он – наверняка уже бегущий и скулящий от страха труп. И только необъяснимой волею Черного Сталкера он все еще жив. Но долго это везение продолжаться не может...

Он споткнулся и полетел кубарем, через голову, успев, впрочем, услышать металлическое дребезжание. Быстро обернулся – и увидел то, что и нужно было: изрядный кусок рифленой железной арматуры. Очень подозрительно было то, что на этой железке не было ни пятнышка ржавчины. Очень подозрительно. Ведь это могло означать, к примеру, вот что: все эти годы от коррозии эту штукуну спасала какая-нибудь аномалия.

Но тут же в сгущающемся мраке замелькало множество злобных красных глаз-бусинок. И он, не раздумывая, подхватил арматуру, вырвав ее край из цепкого дерна. Теперь у него было хоть какое-то подобие оружия. И применить его пришлось уже в следующую секунду.

Крысы бросились. Всем скопом. Не просто засеменили к нему – а именно бросились. Видели когда-нибудь, как прыгает взбешенная крыса? И не стоит – зрелище не для слабонервных. Тем более, когда крыс – сотни.

– Па-адлы! – заорал Петля, отбиваясь от набрасывающихся маленьких монстров, словно заправский бейсболист. – Н-на! Получай, сука!

Поначало дело даже спорилось: удавалось крепкими ударами ломать крысам хребты и головы, просто калечить или отбрасывать их на безопасное расстояние. Некоторые, все же, добивались до него – ноги ощутили несколько невыносимо болезненных укусов.

Проклятье! Если его не сожрут заживо, он наверняка сдохнет от какого-нибудь заражения. Забрать у мертвых бандитов хотя бы аптечку он так и не догадался. Одно слово – тупая отмычка...

Он бился яростно, ожесточенно, в кровь сдирая руки о ребристую поверхность железного прута. Но так и не понял, что против него работает не просто крысиная стая. Против него неожиданно восстала самая унылая из наук – статистика. Из которой вытекали самые неутешительные выводы: более-менее точных и сильных ударов тяжелой железкой он сможет сделать еще не более сотни. Может – две.

А крыс тысячи. И с ними – свирепый и сильный крысиный волк, который пока что предпочитал держаться в тени. Умная, хитрая тварь. Подлая. Истинное воплощение Зоны.

Статистика вкупе с невероятной усталостью, все-таки, взяли верх. Еще один удар – и прут вылетел из ослабевших потных ладоней, сбивая несколько неудачно подставившихся особей, словно фигуры из деревяшек в «городках». И тут же крысы ринулись в новую атаку. Не нужно быть провидцем, чтобы понять: атака эта последняя. Не зря ведь центре широкого крысиного полукруга, охватившего слабеющую жертву, неторопливо приближался сам крысиный волк – тварь размером с ротвеллера, с острыми желтыми резцами с ладонь каждый.

– Черт, черт... – беспомощно забормотал Петля.

В ту же секунду, он остушился и упал на спину: хитрые твари, сгрудившись за спиной, поставив «подножку». И тут же крысиный волк прыгнул, раззявив в броске чудовищную пасть. Даже склонил вытянутую морду чуть набок – чтобы поудобнее было вгрызаться в шею.

Что будет через мгновение – нетрудно представить. Его не разорвут на части, как это бы сделали природные хищники. Его сгрызут – шустро отхватывая по кусочку, вырывая из тела плоть – ошметок за ошметком. И трудно сказать, от чего он умрет раньше – от потери крови или от болевого шока. Он не будет рассуждать об этом. Он будет орать от невыносимой, просто невероятной боли...

Крысиный волк так и не добрался до его горла, отброшенный в сторону мощным ударом.

Ударом приклада. Добротного, деревянного приклада с металлическим плечевым упором. Дальше произошло что-то совсем уж немыслимое: из-за спины дрожащего от страха Петли появилась темная в сгустившемся мраке фигура, приблизилась к крысиному волку, что уже вскочил на крепкие лапы и мотал острой мордой, приходя в себя после удара.

Придти в себя ему так и не дали: незнакомец, не долго думая, схватил эту тварь одной рукой поперек мускулистого туловища, другой – за ту самую зубастую морду. Сделал короткое движение. Явственно хрустнуло, и вожак крысиной стаи обмяк безвольным мешком.

Крысы разом притихли. А незнакомец, подошел ближе, присел на корточки перед вко-нец обалдевшим Петлей, осмотрел его странным взглядом больших, глубоко посаженных глаз и произнес загадочную фразу:

– Ну, вот и первый.

Глава вторая. Бука

Петля зашелся, было, в восторге, увидев болтавшийся на плече незнакомца автомат. Он представил себе, как тот начнет сейчас крошить этих тварей в кроваво-серый крысиный винегрет. Но улыбка застыла на его лице: незнакомец перекинул «ствол» вперед, положив на колени. Никакой это не автомат. Старенькая двустволка. К тому же – легкомысленно переломленная пополам и... незаряженная. Черт возьми – на кой хер, спрашивается, в Зоне незаряженное оружие?!

Незнакомец продолжал рассматривать Петлю, словно какого-то зверька в клетке. Вид его невольно внушал робость, словно перла от него какая-то необъяснимая темная энергия. Был он молод, высок, худ, лицо имел смуглое, со впалыми щеками и столько же глубоко посаженными глазами. Длинные, черные, как у индейца волосы частично скрывали лицо, что не часто здесь встретишь: сталкеры, как и бандиты, предпочитали короткие стрижки или наголо бритый череп. Дело тут не в моде, а в том, что волосы здорово собирают радиоактивную пыль и прочую дрянь, которой, как известно, в Зоне полно. Бесформенная, грубая, холщевая то ли куртка, то ли рубаша больше подошла бы опустившемуся хиппи, чем сталкеру. Хотя, по правде говоря, встретить здесь можно вообще, кого угодно. Хоть свихнувшегося хиппи в поисках упрямой в Зоне Нирваны, хоть зомби в обличье Папы Римского.

– Ну, как, нравится тебе у нас? – глухим, низким голосом спросил, наконец, незнакомец.

– Н-не очень, – пробормотал Петля.

Этот вопрос поставил его в тупик. Что значит – «у нас»? Петля все еще не понимал, что происходит. Тело его продолжало трястись под мощным адреналиновым прессингом.

– Цапнули? – поинтересовался парень и, не ожидая ответа, швырнул Петле компактную аптечку – прямо на пузо, так тот все еще валялся в пыли, упершись локтями в землю.

– Коли антидот и все, что найдешь от радиации, – посоветовал парень. – От тебя фонит, как от слепой собаки.

Петля с криком уселся на пятую точку и, поджав под себя ноги, принялся вскрывать аптечку. Покосившись на незнакомца, на крыс, что продолжали шнырять там и сям, правда, без былой агрессивности, не удержался от вопроса:

– А чего у тебя дробовик не заряжен? Мало ли кто со спины подкрадется...

– Это ты у меня спрашиваешь? – парень чуть вздернул брови, и Петля понял, что со стороны его, неприкаянного безоружного отморозка, такой вопрос прозвучал то ли с вызовом, то ли просто по-идиотски.

– Патронов полно, – равнодушно сказал незнакомец, похлопав по мешковатой брезентовой сумке, болтавшейся у бедра.

– Чего же не зарядишь?

– Зачем?

Петля неопределенно дернул плечом: сейчас, вроде, как бы действительно, острой необходимости в оружии нет – крысы теперь не обращали внимания на людей. Они обнюхивали все еще дергающееся тело жоака и начинали уже деликатно откусывать от него – по кусочку. Через минуту деликатность закончилась, и крысы принялись активно жрать.

– Пойдем отсюда, – сказал незнакомец. – Зона берет свое.

Снова говорит то загадками, то ли поговорками. Петля уже успел накачать себя антидотом, антирадом и какой-то антистрессовой дрянью, а потому настроение у него выровнялось, сил заметно прибавилось. И он поднялся – легко и бодро.

– Ну, что, спаситель, давай знакомиться, – протягивая руку, сказал Петля.

Спаситель проигнорировал руку. Он посмотрел в глаза Петле и чуть кивнул.

– Петля, – нерешительно отводя ладонь, сказал спасенный. Он вдруг подумал, что так нахально набиваться в друзья тому, кто голыми руками отрывает мутантам головы, по меньшей мере, невежливо. Не по ранжиру. – Прозвище у меня такое. Бандиты дали. За то, что петли ловко вяжу: у них забава – силки на слепых собак ставить. А потом туристов водить – пострелять, смеху ради. А тебя как звать-то?

Незнакомец чуть склонил голову на бок, с сомнением разглядывая спасенного. И спокойно, с расстановочкой, эдак, проговорил:

– Бука.

Петлю словно сковородкой по башке огрели. Даже наркотический стимулятор не помог.

Бука.

Тут ведь вот, какое дело... Повстречать в Зоне Буку – это все равно, что встретиться с самим Черным Сталкером. Не то, чтобы Бука был таким же всемогущим призраком Зоны, но... В общем, если и начинали сталкеры травить друг другу всякие небылицы про Зону, то уж и Буку не забывали. Сам он был вполне реален – вот, сидит на корточках, ковыряет в земле палочкой. Только, вот, не вписывался он в сталкерское братство никаким боком. И тому были более, чем веские причины.

Во-первых, никто не знал, откуда он взялся, этот Бука. Одно про него ясно – он экзо, наподобие темных сталкеров, потерявших возможность существовать вне Зоны. Только, вот, даже для экзо он был особенным. Знающие люди поговаривали, что сам он плоть от плоти – порождение Зоны. Что его, будто какого-нибудь Маугли, вырастили какие-то монстры из самого сердца Зоны. Чуть ли не бюреры или даже контролеры. Ни в то, ни в другое особо не верилось. Бюреры – типичные мутанты и живут в такой жесткой патогенной среде, что пацан и сам вырос бы бюрером – если бы выжил, конечно. Что до контролера... Ну да, есть у этих тварей тяга к развлечениям, вроде подчинения людей своей воле и все такое... Говорят, они даже целые секты держали под своей властью. Но одно дело секты, и другое – малолетний ребенок, на которого у контролера не хватит ни концентрации внимания, ни терпения. Сожрал бы его контролер, и без всякого сожаления. Еще бы сказали, мол, парня вырастили снарки! Но кто бы ни выкормил этого «человеческого детеныша», более-менее достоверно известно, что в нормальный вид его привел уже сам Болотный Доктор. По крайней мере, научил с людьми общаться по-людски, а не как с привычными ему порождениями Зоны. Но похоже, что и Доктору не удалось избавить Буку от каких-то врожденных аномалий.

Почему – Бука? Говорят, Доктор, укрощая этого звереныша, настолько часто пугал того детской страшилкой про Буку, что в результате пацан решил, что так его и зовут. Забавная история с продолжением: Букой по-прежнему продолжали пугать – но теперь уже взрослых и вполне реальным, живым Букой.

Хотя, может, его и напрасно боялись. Просто люди склонны бояться странного. А Бука был странным. Совсем еще юнцом решил он податься в сталкеры. Просто потому, что ничего, кроме Зоны не знал, и за Периметром никогда не бывал. А если и бывал, то ничего для себя занимательного там не обнаружил. Бывалые сталкеры, конечно, смотрели на него свысока, эдак сурово поплеывая. Взяли его в какую-то группировку только лишь по рекомендации Доктора. Отмычкой взяли, разумеется.

Тут-то все и пошло враскоряку. Отмычка-то оказался покруче любого бывалого сталкера. Не то, чтобы он ловко вынюхивал опасности и круто стрелял по монстрам. Начать с того, что он вообще не стрелял. Никогда. Сказывалась, видать, докторская школа. И на аномалии он чихать хотел – обходил их запросто, словно не замечая. Найденные артефакты считал безделушками и легко делился с руководством группировки. В общем, вел себя так, что остальные сталкеры, взрослые и солидные дяди, на счету у которых было немало подстреленных монстров, да и – чего греха таить – себе подобных, стали чувствовать себя рядом

с Букой сопливыми молокососами, решившими поиграть в «войнушку». Мало какому сталкеру такое понравится. Оттого Буки стали сторониться, отторгая его из любой компании.

Бандиты пытались использовать Буку в собственных жлобских целях – тягать хабар из самых опасных и непроходимых мест, куда никто из этой братии и носа сунуть бы не посмел. Но, видать, было у Буки какое-то особое чутье, эдакий внутренний «дерьмометр»: заставить работать Буку на себя было все равно, что заставить Зону упаковывать хабар в красивые коробки и отправлять прямым ходом на склад в Киеве. В конце-концов, поняв бесполезность Буки для извлечения прибыли, его решили убить – как это принято у бандитов: на всякий случай.

И вот тут-то начиналось самое интересное.

Все, кто открыто возжелал Буке зла – сдохли. Все до единого. Причем самыми отстраненными и нелепыми смертями: кто шаурмой на базаре отравился, кто фен в ванну уронил, кто с мотоцикла в фонарный столб влетел. Но это было бы полбеды. Стали случаться неприятности со всеми, кто хоть раз воспользовался помощью Буки. На момент встречи Петли с этой темной легендой Зоны, все сталкеры, ходившие на дело с Букой, давно уже лежали в сырой, фонащей земле Зоны.

Это старая история – про Дьявола-хранителя. Мол, тот, которому покровительствует Дьявол-хранитель, как вампир высасывает удачу ближнего. Многие считают, что начало этой истории дал именно Бука. А потому быть спасенным Букой – это все равно, что быть тюленем, спасенным из воды белой акулой: вот тебя, несчастного утопающего, выдернули из воды, даже в воздух подкинули. И ты летишь, довольный и счастливый, не замечая, как разверзлась под тобой огромная зубастая пасть.

Так что спасения никакого не было.

Это была лишь отсрочка.

Вот и сейчас Бука внимательно вглядывался в его расширившиеся от страха глаза, словно вампир, высасывающий жизненную силу.

– Наверное, про меня люди всякое рассказывают? – произнес он, наконец. – Там, за Периметром?

– Что рассказывают? – фальшиво поинтересовался Петля.

– Да знаешь, ты... – с какой-то тоской сказал его жутковатый спаситель. – И вот какое дело: я сам не знаю, чему верить, а чему нет...

Бука рассмеялся сухим трескучим смехом. Жутко стало от этого смеха. У этого парня явно были проблемы с чувством юмора. Да и не только с ним. Петля заставил себя улыбнуться. Вышло хреново.

– А почему вы... ты сказал, что я – «первый»? – осторожно спросил Петля.

– Пойдем отсюда, – неожиданно сказал Бука, подымаясь. Он огляделся, словно мог что-то видеть в этой кромешной тьме. – Здесь нельзя оставаться.

Они шли куда-то в непроглядный мрак. Петля таки не добился от странного спасителя, куда тот его тащит, и теперь тоскливо брел за этой нескладной долговязой фигурой, погруженный в туманные, путанные мысли. Анестезирующий наркотик продолжал рисовать нелепые и страшные картины, не давая сосредоточиться и четко представить себе новое положение вещей.

Во-первых, та самая проза жизни. Если Бука действительно спас его, а все истории про него – лишь бред болтливых завистников, значит, есть шанс, что за Периметр он выберется. И что дальше? Мало того, что засветились на входе, мало того полегла вся группа во главе с бугром, так в довершение ко всему он потерял контейнер с драгоценным хабаром, который обещал хоть какую-то надежду вырваться из проклятого круга! И вот тут-то возникают старые, как мир, вопросы: кто виноват, и что теперь, мать его, делать?! Кто окажется крайним во всей этой истории и так ясно, и к гадалке не ходи. Поскольку бугор двинул кони, и наварас

дела не вышло – в банде начнется зверство и дележка власти. И по всем понятиям для начала прирежут его. А будь у него в руках этот проклятый контейнер...

Тут в неясных мыслях Петли возникло некоторое просветление.

– Слушай, – возбужденно заговорил он, тряся Буку за рукав его странной холщевой рубахи. – Мы же к Периметру идем, да? Давай вернемся, а? У меня там контейнер с хабаром зарыт – братки за него обещали с меня долг списать! Ты понимаешь?! А, может, еще и нала отвалят! Что скажешь, а?!

Бука искоса посмотрел на несвязно бормочущего спутника и сказал, нехотя:

– Мы идем не к Периметру. Слушай, как тебя там... Ты должен понять одну простую вещь...

Бука замолчал, продолжая спокойно идти в полнейшей темноте, словно не боялся ни аномалий, ни злобных монстров. Но, судя по длине паузы, вещь, которую он собирался сказать, была вовсе не так проста.

– Не к Периметру? – Петля первым нарушил молчание. – А куда?

– Хотел бы я знать... – неопределенно сказал Бука.

Так они прошли еще минут десять. Или час – Петля совершенно перестал ориентироваться во времени.

– И все-таки... – проговорил Петля. Действие лекарства заканчивалось, и он снова ощутил страх. Страх перед Зоной, а вместе с ним – страх перед этим странным Букой. Голос сорвался на крик. – Я хочу выбраться отсюда! Хочу расплатиться с чертовым долгом – и убраться подальше от Этой Гребаной Зоны!!!

...Он пришел в себя, уже лежа на спине, в ужасе пялясь в страшные провалы глаз Буки. Тот нависал над ним, как один из тех зомби, что готовы вырвать и сожрать твое сердце. Его длинные, слипшиеся волосы были похожи на щупальца кровососа, и Петле даже показалось на миг, что над ним – притаившийся под личиной человека мутант.

– Не смей обижать Зону! – прошипел Бука, водя перед его лицом ладонью, словно сдерживал себя от порыва схватить это лицо и с силой вдавить в землю. – Ты В НЕЙ!

И в этот момент Петля друг всей душой осознал: неспроста все эти разговоры, не зря люди сторонятся этого парня. У него действительно не все дома. А может, он и не человек вовсе.

Бука резко отпрянул. Сел рядом, положил на колени свой бесполезный дробовик и замер в неподвижности. Рядом осторожно уселся Петля. Так и сидел, боясь пошевелиться.

Над Зоной сверкало ясное звездное небо, искаженное местами воздействием мощных блуждающих гравиконцентраторов, призрачными всполохами, искорками электрических разрядов и прочей местной атрибутикой. Впрочем, многие сталкеры любили именно это небо. Особенное небо – небо Зоны. Многим приходилось часами любоваться всеми этими чудесами, отлеживаясь у Периметра, в надежде, что не засечет патруль и не срежет шальная, для острстки выпущенная пулеметная очередь.

Поговаривали, что один, забравшийся в Зону астроном, долго мудрил со своими телескопами и компьютерами, пялился-пялился в небо, а потом взял и заявил при большом стечении научного люда: мол, из некоторых локаций Зоны картина звездного неба такова, как ее наблюдали бы из совершенно иной звездной системы. Вот расчеты, вот вычисления суперкомпьютеров, вот данные коллег – получите, распишитесь. Скандал, помнится, был страшный: ведь эти данные шли на руку тем еретикам от науки, кто считал Зону частью то ли параллельного мира, то ли поверхности совсем уж другой планеты «в далекой-далекой галактике». И все это сильно пахло большой политикой. В общем, под шумок, Нобелевские премии были отданы каким-то серым личностям, а кто-то и научных степеней лишился. Правда, там, вроде бы, никого не убили. Научная среда, хоть еще тот террариум друзей, но, все-таки, не Зона...

Петля лежал на спине и отрешенно пялился в это чужое небо. Удивительное дело: рядом с этим жутковатым парнем с пустой двустволкой в руках он чувствовал себя в куда большей безопасности, чем под сомнительной защитой вооруженных до зубов бандитов. Почему-то сейчас он не боялся ни жутких ночных тварей, ни блуждающих аномалий. Ему было тихо и спокойно. Как на кладбище.

Бука тоже смотрел на звезды. Только думал он совсем о другом. Мысли его были тяжелы, как капли дождя, попавшие в «комариную плешь». Ему всегда было тяжело думать – он любил просто смотреть, слушать, ощущать то, что происходит вокруг, полагаясь на одни только чувства и отработанные рефлексy, как это называл Док. Но теперь ему просто придется думать. Иначе ничего не получится. Надо думать. Думать, как перехитрить эту заботливую мамашу, которая дала ему жизнь, приют, вырастила, научила уму разуму. Ласковая, добрая Зона.

И она же – гнусная, ревнивая сука.

Бука ненавидел Зону. Ненавидел всей душой, яростно, до одури, до потемнения в глазах.

Это было, по меньшей мере, странно: ведь сам он был целиком, плоть от плоти, детищем Зоны.

Не врал стакеры: почти достоверно известно было, что родился он где-то здесь, внутри периметра. Хотя и сам он с уверенностью утверждать ничего не мог. Однажды кто-то в пьяном разговоре даже бросил: мол, у такого типа, как Бука, вообще не может быть человеческой матери. А потому, мол, он изначально порождение самой Зоны-матушки. Бука даже не обиделся. Он никогда не спорил с этими сомнительными утверждениями. Ведь не было еще существа, более приспособленного к жизни в этом проклятом месте. Конечно, были сталкеры и покруче Буки – и посильнее, и повыносливее, и поумнее. Были и более удачливые. Да только было все это от ума и достигалось путем жертв и лишений – тех самых проб и ошибок, попросту говоря – опыта.

А Бука родился сталкером. Точнее, существом, созданным Зоной и для одной только Зоны. И в сталкеры он подался лишь потому, что здесь каждый хрен с автоматом воображает себя таковым. Вот и его с легкостью записали в сталкеры: куда-куда, а на эту роль он подходил по всем параметрам.

А Бука просто был самим собой. Букой. Он жил в Зоне свободно, легко – все равно, как теленок под выменем у рогатой мамы. И потому для Буки ненавидеть Зону было все равно, что ненавидеть собственную мать. Он сам понимал это – и от того мрачнел еще больше.

Ему было, за что ненавидеть Зону. Началось это внезапно, словно лопнуло что-то в душе, сгорели какие-то предохранители в сложном приборе – и он разом поменял полярность. Ведь бывает так: живет себе человек и живет, нормальный, спокойный, безвредный, хороший семьянин, улыбчивый и закурить никому не откажет. А потом – раз – и переклинило человека. Был человек, а стал кровавый маньяк.

Бука никогда не был нормальным человеком. Но и в маньяки записывать его никто б не решился. Просто в один прекрасный момент его действительно переклинило.

Ей, богу – лучше бы он стал маньяком...

Бука посмотрел в сторону «первого». Плюгавенький какой-то, все время боится чего-то, трясется, по чем зря. От такого не будет никакого толку. Но ничего не поделаешь, он – первый. И раз Монолит поставил такое условие – его нужно выполнять.

...В темноте раздался протяжный, полный тоски и боли стон. Словно где-то, истекая кровью, умирал раненый сталкер. С разных сторон откликнулись какие-то ночные твари: с одной донеслось низкое рычание, с другой – отвратительный рокошующий звук, словно отрыжка гигантского чудовища. Последнее, кстати, исключать не стоило. Следом по

округе пронеслась целая волна звуков – от мерзкого бульканья, до жуткого человеческого голоса, словно воспроизведенного с многократным замедлением. Одному Черному Сталкеру известно, что все это было на самом деле, но от таких, вот, звуков новички в Зоне зачастую теряют жизненно важное хладнокровие и совершают глупости. А любые глупости в Зоне, как известно, чреваты смертью.

– Эй... – тихо и жалобно позвал «первый». – Что это?

– Какая тебе разница? – вяло отозвался Бука, недовольный тем, что его выдернули из расслабленного оцепенения. – Ты отдыхай лучше. Нам еще много ходить придется.

Петля вдруг резко подобрался, подполз к Буке поближе и забормотал прямо ему в лицо:

– Слушай, я не знаю, что ты вообще такое, и правду ли про тебя рассказывают, но я тебе так скажу... – Петля сердито засопел, нахмурился. – Сначала меня эти урки на понт брали, каждый день прирезать грозились! И жизнь такая у меня уже вот где!

Петля яростно чиркнул ладонью у себя под горлом и продолжил с неожиданным для самого себя напором:

– Я уж, думал все, отмучался! А оказывается, ничего подобного – теперь ты меня в оборот меня взять хочешь, так?! У меня что, на лбу написано, что я лох?! Что меня можно пинать, использовать, гонять, как вшивую собачку?! Ты как хочешь, а я больше плясать под чужую дудку не намерен!

Закончив эту речь, Петля разом как-то сник, и тоскливо уставился в землю. Где-то прокричала болотная выпь. Хотя наверняка, не выпь это была: отсюда до болота – топтать и топтать...

Бука смерил спасенного тяжелым взглядом. Ему очень не хотелось говорить, объяснять. Разговоры – все это не его стихия. У него даже язык во рту сразу устает. Но, видно, раз уж решился он на все это дело, без объяснений не обойтись. Не выйдет без объяснений, хоть тресни.

– Слушай, как тебя, – медленно начал Бука. Наморщил лоб, вспоминая. – Ну, да, Петля. Ты подумай хорошенько, Петля: как случилось, что ты до сих пор живой?

– Ну, ты меня спас, – хмуро ответил Петля. – С этим я и не спорю, я тебе по гроб жизни обязан, и вообще...

– Я не об этом, – досадливо поморщившись, прервал его Бука. – Как ты вообще смог уцелеть – до того, как я тебя встретил?

– Ну, как... – растерянно пробормотал Петля. – Думаю, мне просто повезло.

– Повезло... – медленно повторил Бука. – Может, и повезло, хотя ты, что-то не похож на везунчика.

– Это еще почему? – нахохлился Петля. – А на кого же я похож – на конченого лузера, что ли?

Бука смотрел на собеседника ничего не выражающим взглядом, и Петля вдруг подумал, что да – именно на такого вечного неудачника он и похож. Но Бука вовсе не хотел его обидеть, еще раз ткнуть его носом в собственное ничтожество. Он хотел сказать что-то совсем другое.

– Ну, допустим, – проговорил Бука. – А расскажи мне, как все было.

Петля принялся излагать свою историю. Быстро, сбивчиво, но в целом довольно подробно. И про то, как прибил к бандитам, и про то, как его поставили «на счетчик», заставляя горбатиться на уголовную шоблу. И про небывалое сегодняшнее невезение, когда полегла вся группа и каким-то чудом уцелел он один. И про бегство от крысиной стаи, очень удачно закончившееся встречей со случайным спасителем.

Сам спаситель слушал внимательно, чуть склонив голову на бок, и свет Луны отражался в его глубоких глазах. Сама Луна сегодня была неприятная, странная: она медленно расплзалась, вытягиваясь по небу, словно кто-то надавил на краешек жвачки, что тянулась

вслед за вращением небесной сферы. Луна росла и наливалась необычным кровавым светом, готовая лопнуть, как гнойная гематома. Оптический эффект, конечно, но все равно жутко...

Бука терпеливо выслушал Петлю, едва заметно кивнул и сказал:

– Ну вот, видишь.

– А что я должен видеть?! – огрызнулся Петля.

– Не могло тебе сегодня повезти. Никак не могло.

– Это еще почему?

– Как бы тебе объяснить... – Бука болезненно поморщился.

Он не любил ничего объяснять. Больше из того, что он знал и чувствовал, невозможно было выразить человеческими словами. Может, дело было в том, что он слишком мало общался с людьми, так и не научившись четко выражать свои мысли. Это попросту казалось лишним в его простой жизни. Ведь Зоне не нужны слова. Слова нужны людям. А люди не нужны Буке. Точнее – не были нужны до последнего времени.

– Если уж тебе везет – значит, ты везунчик, – неторопливо начал Бука. – И когда возникнет ситуация – «или повезет или не повезет», то у везунчика больше шансов, что все-таки, повезет. А ты – ты невезучий. А знаю, что тебе это не нравится слышать, но это так. А значит, что сегодня, когда не повезло всей твоей группе, тебе просто не могло повезти. Никак.

– И что же все это означает? – судорожно сглотнув, спросил Петля.

– Это знак.

– И как я должен понимать этот знак? – недоверчиво поинтересовался Петля.

– Это не тебе – это мне знак, – пояснил Бука.

И в этих словах Петле почудилось что-то мощное, неотвратимое, как вращение Земли. Стало невыносимо тоскливо, чувство беспомощной обреченности окончательно лишило его сил.

– Я ничего не понимаю... – слабым голосом проговорил Петля. Ему казалось, что рядом не человек, а злобный контролер, подчинивший себе его волю. Возможно, отчасти так оно и было.

Бука повозился, устраиваясь поудобнее, собираясь со своими вязкими мыслями.

– Я объясню тебе... Попробую объяснить, – поправил себя Бука. Он уставился в темноту перед собой и замер в каменной неподвижности. Двигались только его сухие тонкие губы. – Если бы все шло, как обычно – ты бы не ушел даже от слепых собак, которые остались у вашего хабара. А брести по Зоне без детектора аномалий и не вляпаться, да еще так долго сопротивляться стае под властью крысиного волка... Нет, просто кто-то оттягивал неизбежное.

– Кто? – с трудом выдавил из себя Петля.

– Ты уцелел только потому, что Зона отказалась прибирать тебя к себе, – сказал Бука. – До поры до времени. Потому, что я должен был встретить тебя. Только поэтому – и других причин я не вижу. Тебе дана отсрочка – если хочешь – по моей личной просьбе.

Бука замолчал, словно собирался с силами для следующей череды фраз. Говорил он медленно, то и дело останавливаясь, будто спотыкаясь. Словно искал в темном чулане слова – и складывал их во фразы. Но странным образом в целом получалось вполне связно. Только что-то занозой свербило в мозгу, мешая этому пояснению сложиться в окончательную и логичную картину.

– Как это – по твоей просьбе? – вдруг встрепенулся Петля, с суеверным страхом косясь в сторону этого странного парня. – Ты просил Зону спасти меня?! Еще тогда, когда я остался один на один со слепыми собаками?! Откуда ты знал про меня?

– Тебя я знать не знал, – равнодушно отозвался Бука. – И мне нет никакого дела до твоей собственной судьбы. Просто таково его условие.

И замолчал. Снова.

– Да перестань ты говорить намеками! – простонал Петля. – Можешь ты по-человечески объяснить – кого просил, чье условие? Может, ты общаешься с самими Хозяевами?

Произнеся последнюю фразу, он осекся. На территории Зоны не принято всуе поминать Хозяев. Хозяева Зоны – кто бы они ни были – существа могущественные и совершенно беспощадные. Если им не понравится какое-нибудь высказывание в их адрес – могут на тебя тварь какую послать или в мясорубку ненароком засунуть. Так говорили бывалые сталкеры – а уж они-то знают, что говорят. С другой стороны – нахрена, спрашивается, Хозяевам спасать какого-то никому не нужного Петлю, да еще посылать ему в помощь своего жуткого Буку. Нет, что-то тут не то.

– Хозяева тут ни при чем, – подтвердил его догадку Бука. Снова болезненно наморщил лоб, будто выдавливал из головы тугие мысли. – Это условие: я должен спасти шесть жизней. Шесть человеческих жизней. И ты – первый из них.

Это объяснение не сильно разъясняло ситуацию в целом, однако несколько успокаивало в том смысле, что загадочное «первый» действительно означает «первый» – и ничего больше.

– Кто же поставил тебе такое условие? – немного успокаиваясь, поинтересовался Петля.

– Монолит.

Час от часу не легче. Петля нервно вытер со лба проступивший пот. Хотя и не жаркая выдалась ночь, но с такими разговорами не только вспотеешь, а как бы и другой стороны мокро не стало.

Вот, значит, как. Монолит. Не больше, не меньше. Интересно – отчего не сам Черный Сталкер? Разница в правдоподобности не сильно велика, но звучит эффектнее. Потому что каждый способен представить себе неприкаянного сталкера, не находящего себе покоя, который явится тебе, когда ты валяешься, обкурившись, какой-нибудь дрянью, и наобещает тебе во сне всего с три короба. А Монолит – это, отцы, штука слишком абстрактная и врать про нее надо красиво.

– Во сне, значит, он тебе, значит, явился, – предположил Петля. – А ты ему и желание загадал, верно?

Бука исподлобья так зыркнул в ответ, что Петля заткнулся. Шутить на эту тему, пожалуй, не стоило.

– Почему – во сне? – раздельно сказал Бука. – Реальный Монолит. Если хочешь, чтобы желание сбылось наверняка – Монолит надо видеть и осязать. Все остальное – сказки для маленьких сталкеров.

Петля лихорадочно перебирал в голове все, что знал об этом, пожалуй, самом жутком сокровище Зоны. И каждая услышанная им история противоречила всем прочим. Одни говорили, что это огромный черный кристалл, настолько черный, что поглощает свет, другие излучения, а иногда – и саму материю. Что этот неподвижный монстр, словно гигантский сверхмощный контролер, способен подчинять себе людей на всем пространстве Зоны. Кто-то говорил, что все это чепуха, а в действительности Монолит – это расплавленное ядерным распадом месиво из железобетона, свинцовых кирпичей и графитовых стрелок реактора, спекшееся в субстанцию с совершенно невероятными для земной материи свойствами. Но все, даже самые ярые критики, так или иначе, говорили о главном – способности этой штуковины исполнять желания. И о легендарной склонности этого неподвижного чудовища с совершенно нечеловеческим коварством обращать желания против загадавшего из безумца.

– Ну, и что же это на самом деле – Монолит? – с напускным равнодушием поинтересовался Петля. – Кристалл или реакторное месиво?

– Это как раз не важно, – спокойно ответил Бука. – Я нашел его, хоть это было непросто. И главное – сумел вернуться живым. Но, думаю, Монолит сам помог мне в этом: ведь я должен теперь выполнить его условие.

– Условие, условие... – пробормотал Петля. – Но ведь эта штука, вроде, исполняет желания?

– Исполняет.

– Но я не слышал, чтобы Монолит выставял какие-то условия.

– Это особое желание.

– И насколько же оно особое?

Бука не ответил. Но взгляд его красноречиво показал: да, желание это особое. Совершенно особое. И точка.

– И все равно. Что-то я не очень понимаю связь между твоим, пусть самым навороченным, желанием и моим спасением, – пробурчал Петля.

– И все-таки, связь есть. Предопределено было не только твое спасение, но перемены в моей собственной судьбе, – сказал Бука. Нахмурился. – Мне не оставили выбора: ради тебя мне пришлось убить живое существо.

– Монстра, – скривился Петля.

– Я забрал у Зоны ее живую частицу без ее разрешения, – сказал Бука. – Я потревожил Зону, убив ее обитателя. Теперь для Зоны я один из тех, кто приходит сюда, чтобы паразитировать на ее теле... – Он напряг память, вспоминая то, что говорил ему Док. А Док говорил очень много, наверное, хотел впихнуть в пустую голову звереныша как можно больше умных вещей. Большая часть, конечно, забылась – в особом пространстве Зоны вся эта философия имеет невысокую цену. Куда важнее конкретные прикладные знания, связанные одной простой целью: выжить.

– Неужели тебе никогда не приходилось убивать мутантов? – недоверчиво спросил Петля.

– В этом не было необходимости, – покачал головой Бука. – С Зоной всегда можно договориться. Она легко поделится тем, что для нее – отрыжка, мусор, а для людей почему-то – чудо и несусветное богатство. Только людям мало подбирать отходы Зоны. Они всегда пытаются отхватить у нее кусок мяса...

Петле тут же вспомнился злополучный контейнер с лучистой дрянью. Может, и там было оно – это гнилое мясо Зоны?

– А может, тебе и не стоило убивать эту тварь? – осторожно спросил Петля. – Ну, договорился бы, как это ты умеешь...

– Поздно, – спокойно сказал Бука. – Да и не тот случай. Я могу, то есть, мог поладить с Зоной, когда дело касалось меня самого. Но никогда не был способен защитить другого.

Бука замолчал, а Петле вновь вспомнились те странные и жуткие истории про Дьявола-хранителя. Выходит, неспроста эти истории возникли, неспроста...

– Наверное, именно поэтому мне и поставили это условие, – задумчиво сказал Бука. – Самое тяжелое, почти невозможное для меня условие. Я должен делать то, чего всегда пытался избежать – спасти и убивать. А теперь мне не отвертеться...

Бука медленно погладил ружье, внимательно посмотрел на собеседника и добавил:

– Единственное, что меня утешает, так это то, что с каждым новым спасенным будет расти число моих спутников. Я буду спасать вас, а вы – помогать мне в исполнении моего желания.

Петля с трудом удержался, чтобы не спросить снова – что же это за желание такое? Язык так и чесался.

– У меня впервые будут попутчики, – с некоторым удивлением в голосе сказал Бука. И вдруг уперся взглядом в Петлю. Тот не научился еще разбираться в выражении этих диких

глаз, но ему показалось, что во взгляде Буки появилась надежда. – А может, и друзья. Даже странно как-то. Ведь у меня никогда не были друзей...

– Постой... – пробормотал Петля. – Ты хочешь сказать, что я должен буду таскаться за тобой, пока ты не набираешь себе этих шестерых спасенных?!

– Осталось пятеро, – спокойно поправил Бука.

– Нет, на такое я не подписывался! Нет, нет, не могу, в конце-концов, даже не настоящий сталкер!

– У тебя просто нет выбора, – спокойно сказал Бука. – Ты не можешь просто уйти. Если ты каким-то чудом не погибнешь в Зоне, Зона достанет тебя, где угодно, даже там, за Периметром. Может, ты слышал...

– Слышал, – глухо сказал Петля.

Он все понял. Понял, что ему уже не отделаться от этого монстра в человеческом облике. И уже не имеет никакого значения, правда ли то, что поведал ему Бука, или же все это плод больного воображения безумного бродяги, ему не отвертеться от совместной прогулки. И остается надеяться, что все это в конце-концов действительно окажется бредом, и Бука однажды отпустит его, пообещав не преследовать своими проклятиями.

Все эти мысли были явным проявлением трусости, но надо признаться самому себе: только сейчас, рядом с этим странным человеком он чувствовал себя в относительной безопасности.

И надо ж было именно сейчас подумать о безопасности – тут же во мраке раздался низкий, свирепый рев, затряслись черные силуэты кустов, сигнализируя о приближении чего-то крупного, мощного, злого.

Бука медленно встал. В лунном свете его фигура казалась какой-то изломанной, неуклюжей. И, похоже, Бука действительно не знал, что делать. Это казалось диким: удачливое и живучее порождение Зоны – и не знает, что делать в критическую минуту.

– Ружье!!! – заорал Петля.

И сам бросился к валявшемуся рядом с сумкой дробовику. Самое время: из черных кустов шумно вывалилось что-то большое, бесформенное – как показалось поначалу. Оно сразу же метнулось в сторону Буки – словно именно он, и он один был ее целью.

Бука в один миг вышел из оцепенения. Несколько долгих мгновений до этого он просто не мог поверить, что все это происходит именно с ним: он пытался договориться с той тварью, что нацелилась сейчас на него. Просто договориться – как учил Док, как он сам поступал бесчисленное количество раз до этой минуты.

Вот и свершилось: Зона отказывается слушать его.

Бука ловко метнулся в сторону. Лязгнув челюстями, обдавая его смрадом дыхания и гнилыми брызгами слюны, псевдособака пронеслась мимо, загребая лапами, и разворачиваясь для нового броска. Теперь в ее налитых кровью глазах сверкали лунные отблески. Эта тварь страшнее слепой собаки – но раньше, когда он был в ладах с Зоной, это не имело никакого значения. Теперь же нужно было просто убивать. Но псевдособаку не убить голыми руками, как крысиного волка. Нужен хотя бы нож. А лучше – дробовик, который так некстати оказался в руках у этого непутевого малого...

Петля отчаянно потряхнул Букину сумку – оттуда посыпалось множество всякой всячины, но самое главное – пузатые патроны двенадцатого калибра. Они россыпью раскатились по неровной земле, и Петля принялся судорожно шарить, захлебываясь от ужаса: он видел, как в каких-то метрах от него мечется кошмарный мутант, и Бука, на защиту которого он так уповал, не может ничего с этим поделать. Бука уворачивался ловко, и даже наносил твари удары, от чего та приходила в еще большую ярость, оглашая округу отрывистым хриплым рыком. Но было ясно, что долго так продолжаться не может: еще несколько секунд

– и псевдособака оправдывает свою репутацию одного из самых опасных убийц Зоны. Все, что ей нужно – только ухватиться за любую конечность жертвы. Короткое, резкое движение – и рука добычи окажется у нее в зубах, вырванная с мясом из сустава.

Непослушными, словно чужими, пальцами Петля запихивал патроны в черные спаренные стволы. Пластиковые, с металлической окантовкой, цилиндры никак не желали влезать в отведенные им места, и казалось, что какой-то злой шутник в темноте подсунул патроны другого калибра. Не отчаяться помогло лишь то обстоятельство, что в детстве доводилось ходить с отцом на охоту. К охоте он так и не пристрастился, но зарядить двустволку, все же, мог. С отчаянием Петля буквально вбил проклятые гильзы в стволы и с хрустом закрыл затвор. Щелкнул механизм взвода: стволы встали на место. Петля вскочил и приложился к ухватистому прикладу. И вдруг понял, что просто не в состоянии поймать в прицельную планку стремительно мечущуюся тварь. Две тени слились в схватке, и так он запросто мог подстрелить Буку.

Наверное, выручило то, что мутант слишком увлекся одной жертвой, словно позабыв про другую. Только этим можно объяснить, как Петле удалось подскочить к псевдособаке вплотную и ткнуть стволами прямо ей в бок.

Грохнул выстрел, по запястьям резануло отдачей, и тварь отлетела в сторону, оглашая ночь визгом, переходящим в свирепый рев. Было ясно, что боль еще больше разозлила живучую тварь, и заряд дробы (или пуля – чем там была начинена гильза) не сильно повредил живучему мутанту. И теперь псевдособака готовилась к новому броску.

Петля неуверенно целил в темноту, когда крепкая рука схватила оружие за цевье и вырвала его из рук. Бука ухватил дробовик, выставив перед собой на вытянутой руке и шагнул в темноту. Донеслось злобное рычание, которое прервалось новым выстрелом.

И стало тихо.

– Принеси фонарь, – глухо донеслось из мрака.

Петля вздрогнул, выходя из навалившегося оцепенения, и послушно бросился к выпотрошенной сумке. Снова принялся шарить в темноте и довольно быстро отыскал тяжелый металлический цилиндр фонаря. Щелкнул затянутой резиной кнопкой. Вспыхнул яркий, пожалуй, слишком резкий для этой ночи свет. Хороший фонарь, американский – такими снабжают ооновских патрульных. В случае необходимости тяжелый ухватистый цилиндр легко превращается в дубинку.

Освещая себе путь, Петля засеменял туда, где сидел на корточках сгорбленный Бука. На коленях у него лежал дробовик, сам он рассматривал убитого монстра. Остро тянуло пороховой гарью. И видно было, что Бука знал, куда стрелять: вместо черепа у псевдособаки теперь было кровавое месиво. Говорят, эти твари произошли вовсе не от собак, это – мутировавшие волки. Но со снесенной напрочь башкой они все выглядят одинаково.

– О прежней жизни придется забыть, – сказал Бука, с явным сожалением осматривая труп. – Зона всерьез на меня обиделась.

– Обиделась... – нервно хохотнул Петля, глядя на собственные руки. Ладони тряслись, как у больного синдромом Паркинсона. Но теперь он тоже мог поздравить себя с первым убитым в Зоне монстром. Как-никак, он тоде поучаствовал в этом жутком ночном сафари.

– Теперь, наверное, придется держать ружье заряженным, – задумчиво сказал Бука.

– И лучше бы завести что-нибудь посерьезнее древнего дробовика, – добавил Петля.

Глава третья. Слово сталкера

Над Зоной зарождался рассвет. Гаденько, так, зарождался: едва показавшись над чахлыми деревцами, солнце вдруг приняло неприятный зеленоватый оттенок и принялось расползаться по горизонту. Это не означало, конечно, природной катастрофы, но было признаком того, что между наблюдателем и светилом находился мощный гравиконцентрат, искажающий свет, как огромная линза. Эффект редкий, и будь на месте Буки какой-нибудь ученый, из тех, что кормятся Зоной, он бы просто слюной истек. Пальцы бы стер, щелкая кнопкой фотокамеры. Но для всякого повидавшего Буки же это означало одно: можно с удовлетворением ставить галочку: «пережили еще одну ночь – ну, и слава Черному Сталкеру...». Некоторое время Бука наблюдал, как ворочается на мятой траве его спящий спутник. Петля спал беспокойно: то вздрагивал, то бормотал что-то, то шевелил пальцами, словно пыривался что-то схватить, то замирал в беззвучном крике, и тогда из уголка полураскрытого рта у него начинала сочиться на землю слюна. Зрелище, конечно, в своем роде любопытное, но не было времени любоваться. Да и труп псевдособаки по соседству начинал изрядно поводить. Скоро сюда потянутся падальщики, а встреча с ними уже совсем ни к чему.

В качестве будильника Бука использовал носок собственного ботинка. Не долго думая, просто пнул легонько Петлю в обросший жирком бок.

– А-а-а... – протяжно застонал Петля. И вдруг распахнул глаза, выпучился прямо перед собой, сел, обхватив колени – и задышал тяжело и часто.

– Страшное приснилось? – поинтересовался Бука.

Петля не ответил. Такое бывает: ночевка в Зоне – особое приключение. Случается, заснул один человек, а проснулся – как и не он вовсе. И выражение лица не то, и говорит, и мыслит по-другому. Будто ночью подменили человека. Рассказывают, что, заснув в Зоне, можно прожить во сне несколько лет – в каком-нибудь иллюзорном или не очень иллюзорном мире. Мол, будешь там то ли спасаться от чудовищ, то ли любить воображаемых красоток, то ли просто тупо ждать пробуждения, и проснешься ты, вроде и в прежнем теле – а уже старик. И ладно, если такая незадача коснется тебя одного. А то бывает и так: заснул бывалый сталкер – душа компании, а продрал глаза, зевнул – и, походя, так, перестрелял приятелей. Зона – она такая штука, она не только организм то и дело пытается тебе подпортить, она норовит залезть тебе в душу.

– А? – отозвался, наконец, Петля, и взгляд его обрел некоторую осмысленность. – Да так... Кошмары какие-то снились, только не могу вспомнить, что именно.

– Бывает, – сказал Бука. – Ну, что, перекусим – и в путь. Сегодня хотя бы еще одного подобрать можно.

– Спасатель, блин... – проворчал Петля, отчаянно протирая глаза. – Умыться бы...

– Найдем воду – умоешься, – сказал Бука, бросая спутнику брусок в хрустящей обертке. – На, ешь!

Петля поймал на лету брошенное Букой и не без удивлением убедился, что это – шоколадный батончик с арахисом. Надо же, а мрачный Бука, оказывается, сладкоежка! Он, почему-то, иначе представлял себе рацион зловещего бродяги: например, как тот откусывает и сплевывает крысиную голову, вгрызаясь в сочащееся свежее мясо. И струйки горячей крови стекают из уголков рта... Так и рождаются стереотипы. Что же до батончика, то такие, вот, с давних пор стали излюбленным «эн зе» «лесных братьев» всех мастей, от спецназа до террористов: трудно найти что-то более компактное и энергетически насыщенное. С другой стороны, обертка, конечно, здорово шуршит, и может выдать, если вздумаешь закусить за спиной противника.

Петля жадно вгрызлся в сладкий, казавшийся невероятно вкусным, батончик, и думал – откуда у Буки такие крутые поставки? За Периметром Буку, вроде как, не видели никогда, а на территории Зоны вряд ли найдешь стандартный ларек с мороженым, пивом, сигаретами и презервативами. Хотя спрос на презервативы в Зоне довольно умеренный. Разве что сигареты...

Петле вдруг остро захотелось курить. Он даже удивился: это чувство совершенно точно было ощущением заядлого курильщика при остром никотиновом голодании, и Петля почему-то четко понимал это. Только вот, в чем странность: сам он никогда не курил.

– Курить есть? – подымаясь на ноги, нерешительно спросил Петля.

Бука молча залез в карман и извлек запечатанную пачку.

– Так ты тоже куришь? – неумело распечатывая пачку, спросил Пепля.

Следя за манипуляциями спутника, Бука покачал головой:

– Нет. На обмен.

Петля понимающе кивнул, сунул в рот сигарету. Курево – одна из самых надежных валют на территории Зоны. Иногда даже ее курс зашкаливает за стоимость боеприпасов...

Он едва успел поймать брошенную Букой коробку спичек. Чиркнул, затянулся... Надо же – просто ни с чем не сравнимое удовольствие. Что за напасть? Ему действительно нравится это дело, и не пугает даже череп с костями на пачке и надпись «курение убивает»! Уж не приплачивают ли Хозяевам Зоны табачные компании?

– Пора идти, – терпеливо глядя на Петлю, сказал Бука.

– И что же, ты знаешь, куда идти, где искать? – поинтересовался Петля, выпуская сквозь ноздри густые клубы дыма. Черт возьми, неужто этой ночью он умудрился подхватить чужую привычку? Можно поздравить себя с рождением еще одной сталкерской байки – проверенной, между прочим, на собственной шкуре.

– Примерно, – сказал Бука. – ПДА подскажет.

Петля с сомнением пожал плечами:

– То, что у тебя есть ПДА – конечно радует. Но с чего ты взял, что он покажет тебе именно то, что ты хочешь?

– У меня особенный ПДА, – сказал Бука, запуская руку в свою бесформенную сумку. – Он не показывает сообщений, присутствия опасных тварей, аномалий и всего прочего. Только то, что связано с моим условием. Ты понимаешь, о чем я? Вот, смотри...

Сигарета вывалилась у Петли изо рта: Бука протягивал ему руку. Не свою – а почерневший обрубок кисти с ПДА на запястье и черными скрюченными пальцами. Петлю передернуло.

– Что это за дрянь?

– Рука, – спокойно сказал Бука, вглядываясь в показания небольшого треснутого сбоку экрана на браслете, впившемся в мертвую плоть. – Та, что указывает мне путь. Это она вчера указала на тебя.

– Но зачем было отпиливать кому-то руку, – сдавленным голосом проговорил Петля. – Не проще было просто снять браслет?

– Возьми! – протягивая жутковатый артефакт, потребовал Бука.

Петля взял. И до него стало доходить. Рука, действительно, мертвая, мумифицировавшаяся рука человека, была твердой и гладкой на ощупь – как пластик. То ли покрыта, то ли пропитана чем-то. И от нее не было никакого запаха. Сам же ПДА был словно намертво припаян к запястью, составляя с обрубком единое целое.

– Рядом с Монолитом все превращается в монолит... – загадочно произнес Бука.

Петля не успел спросить – что имел виду этот странный парень: ПДА характерно пискнул, мигнул, указывая на какое-то движение по соседству. А может, и не по соседству вовсе.

Похоже, этот прибор только с виду напоминал стандартное снаряжение сталкеров и военных. И показывал он черт знает что – только не то, что показывают нормальные ПДА.

– Дай сюда! – потребовал Бука. Схватил этот странный прибор, внимательно всматриваясь в показания экрана. – Пойдем!

– Ружье бы зарядить... – обеспокоено сказал Петля, машинально пряча сигареты в карман.

Ему очень не хотелось идти туда, куда указывала эта кошмарная мертвая рука. Но Бука уже копался в сумке, вылавливая патроны для дробовика. Первые три ему чем-то не понравились, и он продолжил поиски, пока, наконец, не нашел то, что ему было нужно: стандартные вроде, патроны, только помеченные сбоку черной полоской маркера. Бука переломил ружье, выбросив «ночные» еще, стреляные гильзы, сунул новые, защелкнул затвор. И не произнес больше ни слова, мягкой бесшумной походкой двинулся вперед.

Так они шли часа два, не меньше, пока Петля ни решился снова спросить:

– Куда ты меня тащишь, Сусанин? Куда она показывает, эта твоя дохлая рука?

Бука оглянулся, непонимающе поглядел на спутника, после чего с прищуром огляделся, глянул на солнце и нехотя сказал:

– Похоже, что в Темную долину.

Петля поежился. Ходить в Темную Долину – это вам не в лесок на шашлыки. Жуткие, черные места. Богатые хабаром – и богатые смертельными ловушками. В принципе, вся Зона – одна сплошная ловушка, но Темная долина – это просто жесткое месиво из хабара и смерти. И если удастся избежать смертельно опасных аномалий или встречи с в изобилии пасущимися здесь мутантами, остается серьезная опасность наткнуться на конкурентов по сталкерскому цеху, среди которых встречаются редкостные отморозки. Это тоже особое свойство Зоны: там, за Периметром, это может быть тихий, нормальный в общении парень. Но здесь он – вне законов и правил, и каждый встречный для него – потенциальный враг. Хотя бы потому, что может посягнуть на драгоценную добычу. Но если с нормальным братом-сталкером еще можно договориться и разойтись полюбовно, то не стоит того же дать от бандитов, зомби и всяких фриков с автоматами, изображающих из себя крутых парней. Есть такие идиоты, что лезут в Зону исключительно для того, чтобы пощекотать себе нервы и пострелять по живым мишеням. Они опасны и безжалостны – правда, и сами живут не долго: Зона не прощает легкомыслия.

До Темной долины они так и не добрались. Их остановили приглушенные звуки очередей.

– За холмом стреляют, – пробормотал Петля.

Бука извлек из сумки свой дикий ПДА, глянул на показания экрана, и коротко бросил:

– Он здесь.

Петля облизал пересохшие губы: лезть на автоматные очереди с одной берданкой – это, как минимум, идиотизм. Но Бука уже быстро взбирался на небольшой холм, с которого, по идее, должна была просматриваться более-менее обширная территория. Петле ничего не оставалось делать, кроме, как последовать за своими спасителем. Лезть на холм не хотелось: вид оттуда, может, и лучше, но с той же легкостью могут заметить и тебя. Он скосился вправо: там огибала бугор неглубокая и с виду куда более безопасная и уютная ложбина. Трудно было придумать лучшее укрытие, чтобы подобраться к стрелявшим поближе.

– Может, лучше там пройдем? – предложил он.

– Ты что, слепой? – поинтересовался Бука, продолжая продвигаться вперед.

Поначалу Петля не понял, к чему был это странный выпад, но всмотревшись в заросли, окружавшие ложбину разглядел, наконец, характерный «купол» из свившихся древесных ветвей. Надо же – соснодуб! Сам бы он и не заметил эту коварную аномалию, будто манящую в свою уютную тень. Реши он пройти этой «безопасной» тропкой – не миновать ему шипу-

чей «газировки» под этими развесистыми ветвями. Говорят, смерть лютая, какую и врагу не пожелаешь: тебя будто обильно поливают сверхактивной кислотой, превращая человека в вонючую пену, которую с аппетитом впитают сквозь землю жадные корни дерева-мутанта – так, что даже следов не останется. Это ж такая коварная дрянь – она почти неотличима от нормальных деревьев...

Все еще внутренне содрогаясь от ощущения чудом избегнутой смерти, Петля вжался в землю рядом с Букой: теперь они пробирались вперед осторожно, стараясь не выскочить ненароком на всеобщее обозрение. Выстрелы доносились все отчетливее. Что характерно: на пару резких очередей следовал отдаленный одиночный выстрел. Непонятно – то ли отдаленный снайпер бил по обладателям автоматов, то ли кто-то попросту экономил оставшиеся патроны.

– Они его обложили, – негромко сказал Бука. – И хотят выкурить наружу...

Когда он только успел все это увидеть и сделать выводы? Петля растеряно хлопал глазами, пытаясь сообразить, что к чему. Наконец, он понял, что имел в виду его спутник: совсем рядом залегли несколько фигур в черных плащах, укрывшись за многочисленными здесь булыжниками. Они держали на прицеле торчащие из земли и поросшие чахлой травой бетонные кубы – похоже, основания заваленной некогда мачты ЛЭП. Точно – неподалеку торчала в небо проржавевшая решетчатая «нога» мачты. Время от времени кто-то из этой компании выпускал короткую очередь в один из бетонных блоков – и бетон отзывался глухими щелчками и скупыми пыльными брызгами. Могло показаться, что эти ребята просто упражняются в стрельбе по куску растрескавшегося бетона. Но в один миг из-за соседнего блока вдруг резко высунулась какая-то бесформенная, сплошь в лохмотьях, фигура с АКМ, послала единственный выстрел в сторону одного из противников – и тут же исчезла из виду. Брызнул камень, и прятавшийся за ним человек в черном разразился россыпью отборного мата.

Эта специфическая, отдающая тюремными нарами, брань заставила Петлю насторожиться и всмотреться повнимательнее в залегших за камнями. Этих ребят он знал. Это были шестерки почившего Игоря Анатольевича. И что они делали сейчас в Зоне – непонятно, так как их дело – стоять на стреме и прикрывать тылы. Но, видимо, весть о гибели группы распространилась быстро. Может, даже, еще задолго до гибели как таковой – когда полетели все до единого ПДА группы. В принципе, уже это обстоятельство всевидящий Че мог воспринять, как факт их смерти. В его полувиртуальном мире смерть реального человека представлялась лишь в виде сухих статистических данных, сигналов ПДА и коротких сообщений на мониторе сталкерского сервера...

...Наверное, это было короткое помутнение сознания. Видимо, именно так шутит над дураками Черный Сталкер. Петлю вдруг осенила «спасительная» мысль, и он, не теряя ни секунды вскочил – и бросился вперед. Бука пытался было ухватить его за штанину, но Петля яростно отбрыкнулся и полетел, спотыкаясь вниз, к бандитам.

– Это я, свой! – заорал он, в очередной раз спотыкаясь и кубарем скатываясь к подножью бугра. – Это я, я!

Он быстро, на четвереньках полз к двум бритоголовым парням с перекошенными от изумления и злобы лицами. Оба мгновенно направили на него свои компактные «гадюки» – излюбленное оружие уголовников Зоны.

– Чего тебе надо?! – прошипел один из них, с безобразным шрамом на голом черепе.

Кажется, его погоняло было Жмур, и сейчас он явно собирался замочить незваного гостя.

– Э, а ну-ка, погоди... – остановил его второй, тощий, со впалыми щеками и темными кругами вокруг глаз, с кликухой Ломка. – Это же Петля, он же с бугром на дело уходил! Иди, иди сюда, братан...

Он поманил Петлю, и крикнул куда-то в сторону:

– Не давайте ему высовываться! Я сейчас буду занят!

Тут же, с двух сторон послушно забили короткие «гадючьи» очереди. А Ломка, едва Петля подполз ближе, вдруг схватил его за горло, повалил на землю, и, вдавив острым коленом в солнечное сплетение, зашипел прямо в лицо:

– Ну, что, сученыш, рассказывай: где хабар?!

Петля задохнулся от неожиданности и боли. Он хватал ртом воздух, пытаясь сообразить, что происходит. Впрочем, какой еще встречи он мог ожидать от бандитов? Главное было быстро выложить то, что он собирался – пока его не успели прирезать. А длинное тонкое перо уже вертелось перед глазами: бандиты любили свои, особенные ножики, презирая стандартные армейские штык-ножи. Петле было плевать, какой разновидностью холодного оружия его прирежут. Он отчаянно прохрипел:

– На холме засада... Я предупредить хотел...

– Жмур, следи за холмом, – быстро оглядевшись, сказал Ломка и вновь обратил все свое внимание на Петлю. – Ну, сука, рассказывай! Что с пацанами? С бугром что?

– Полегли все... – пробормотал Петля. – Будто прокляли... Или кто-то подставил...

– Отчего же ты живой, братан? – бандит злобно прищурился. – Значит, сам бугор, а с ним и Шестипалый полегли – а ты, чмо тупорылое, живой остался? Что-то я не верю, что ты стал вдруг крутым сталкером!

– Это случайно! – пискнул Петля, чувствуя шеей острое, как бритва, лезвие. – А хабар мы забрали и спрятали. Я могу показать!

О том, что хабар на деле «спрятали» не они, а слепые собаки, в данной ситуации стоило умолчать.

– Врешь ведь, сука, – неуверенно произнес Ломка, убирая, тем не менее, перо от дергающегося кадыка Петли. – Хабар, небось, просрали, а ты просто шкуру свою спасаешь...

– Я покажу! – задыхаясь, пробормотал Петля. – Богом клянусь, спрятан хабар, и уже в контейнере... Только это потом, я потом покажу. Вы сначала меня спасите!

– Чего? – недоуменно скривился Ломка.

– Спасите меня, – горячечно забормотал Петля. – От психа этого сумасшедшего спасите!

– Я не понял, от кого это он хочет спастись? – лениво поинтересовался Жмур.

– От меня, – раздался над головой спокойный, уверенный голос.

В следующий миг произошло одновременно несколько стремительных событий: больно оттолкнувшись коленом от его грудной клетки, с Петли слетел Ломка. В ту же секунду на лицо обрушилось что-то темное, тяжелое, едва не проломившее переносицу. Петля погрузился в темноту.

И тут же раскатисто бахнуло – раз, другой: характерные сочные выстрелы из дробовика. С двух сторон раздалась отчаянные вопли и проклятья – словно кого-то ошпарили кипятком. Петля спихнул с лица то, что заслоняло обзор. Это оказалась сумка Буки. Он вскопчил на четвереньки – но Бука одернул его, заставив пригнуться.

Оба бандита корчились в траве, ухватившись за лица. Не похоже, что им вышибло мозги, не было даже крови – но было видно, что им очень и очень больно.

– Чем ты их? – пробормотал Петля.

– Мой рецепт, – спокойно сказал Бука. – Патроны со жгучим пухом.

– Круто... – пробормотал Петля.

Такое ему даже и в голову придти не могло – начинать жгучим пухом патроны для дробовика. Хотя, если подумать – оружие получается эффективное и при том не всегда смертельное. Но теперь в лице этих бандюков Бука явно заполучил злейших врагов. Если они, конечно, оправятся после столь мощного ожога.

И еще понятно, зачем Бука кинул ему на физиономию свою сумку: хотел защитить от случайного ожога разлетевшимся пухом. Петле вдруг стало невыносимо стыдно: он только что пытался совершить подлость, предав собственного спасителя. И кому? Этим уродам, что ради хабара готовы перерезать плотку хоть собственному брату.

– Возьми оружие! – быстро сказал Бука, перезаряжая дробовик. Петля заметил – теми самыми патронами, помеченными черным маркером. Вот оно, значит, что в них было...

Он послушно поднял с земли одну из брошенных бандитами «гадюк» – тем сейчас было не до стрельбы: они со стонами катались по жухлой траве. Скорее всего, они ослепнут. Что ж, не те это люди, чтобы сожалеть по их поводу. С другой стороны, живут же и без зрения. Будет повод подумать на досуге – если выползут из Зоны, конечно.

Петля осмотрел оружие: компактный, удобный пистолет-пулемет. Очень хорош в закрытых помещениях, а вот на открытых пространствах явно уступающий тому же старому доброму «калашу» – дальность и убойная сила не та. Не удивительно, что тот, засевший в фундаменте ЛЭП, умудряется держать оборону одиночными выстрелами. Впрочем, это может объясняться еще и трусливостью шестерок почившего бугра, опытностью обороняющегося и тем, что у него, возможно, остался последний рожок патронов.

Оставшиеся трое бандитов в нерешительности затихли. Они не спешили на помощь к орущим от боли «браткам». Видимо, сейчас они прикидывали, насколько сильно изменился расклад сил, и на чьей стороне окажутся незваные гости: союзники ли они обложенному неизвестному стрелку или же сами собираются присоединиться к охоте за ним.

Бука не мучился всеми этими вопросами. Он просто взял свой дробовик, проигнорировав вторую валявшуюся тут же «гадюку» и тихо нырнул в провал между камнями. Петля остался в одиночестве. Быстро собрал разложенные у камня рожки с патронами, рассовал по карманам, разрядил, на всякий случай, вторую «гадюку» и нервно передернул затвор.

Откуда-то справа послышались суетливые очереди, которые оборвались единственным раскатистым выстрелом. «Дробовик» – мелькнуло в голове у Петли. С той стороны доносились полные боли крики и проклятья. Надо думать, Бука снова применил патроны со жгучим пухом. Он по-прежнему не желал убивать людей. Хотя это еще вопрос, что лучше – умереть сразу, или страдать от невыносимой боли в ожидании, пока ввевшаяся в кожу дрянь не изуродует твоё лицо до неузнаваемости.

Слева донеслись какие-то приглушенные звуки. Петля припал к камню, выглянул: это удирали двое оставшихся бандитов. Сухо хлопнул выстрел – Петля быстро глянул в сторону укрытия неизвестного: тот замер с автоматом в руках и целился в беглецов – но стрелять почему-то не спешил. Бандиты же, заметив его и продолжая пятиться, открыли беспорядочный беглый огонь. Ни одна пуля при таком раскладе, разумеется, в цель не попала. Зато раздался вдруг громкий треск электрических разрядов: одному из бандитов не повезло – он влетел прямоком в притаившуюся на пути мясорубку. И теперь его тело корчилося, как курица в чересчур мощной микроволновке, исходя смрадным паром, перекручиваясь и быстро превращаясь в обугленную головешку. Вот вам урок: даже устраивая перестрелку, не забывай, что находишься в Зоне. Здесь она – твой главный противник, не прощающий ошибок. Второй бандит прекратил стрельбу и быстро скрылся за холмом.

Незнакомец опустил автомат. Теперь он смотрел в другую сторону – в ту, откуда неторопливо приближался к нему Бука. Тот шел, такой же нескладный, какой-то неровной походкой, нелепо, за ремень, волоча за собой дробовик. Тот бился прикладом о камни и мелко подпрыгивал. Сразу было видно, что к оружию Бука не испытывал ни малейшего почтения.

Петля обернулся на бессильно лежащих и стонущих бандитов, поднялся – и быстро направился к Буке. Едва он поравнялся с ним, как незнакомец крикнул из своего укрытия:

– Эй, вы, двое! А ну стойте!

Петля в нерешительности замер. Бука же продолжал идти.

– Стой, я сказал, – устало повторил незнакомец.

– А не то что? – отозвался Бука, замедляя шаг. – Стрелять будешь? Так патронов у тебя не осталось – последним ты в бандита шмальнул. Да и разве стал бы ты стрелять в того, кто спас тебе жизнь?

– Ты не спасал мне жизнь! – заорал вдруг незнакомец, вскакивая. – Не было этого!

– Тебя бы прибили. Рано или поздно, – спокойно сказал Бука. – Пятеро на одного, у которого, к тому же, совсем не осталось патронов. Если бы они были чуть посмелей и поопытнее – тебя бы достали еще до того, как подоспел я...

Петля удивленно посмотрел на Буку: тот так и сказал – «подоспел», а не «подоспели». Будто его присутствие здесь вообще ничего не значит. Хотя, пожалуй, в данной ситуации, так дело и обстояло.

– Ты не спасал, меня, Бука, – хмуро сказал незнакомец.

Бука кивнул. Подтянул за ремень дробовик, повесил на плечо. Сказал:

– Значит, ты узнал меня?

– Да. Я встречал тебя как-то, когда ты еще ходил со свободовцами.

– Вот, значит, в чем дело, – мрачно усмехнулся Бука. – Ты просто не хотел бы, чтобы тебя спас именно я...

– А кто бы этого хотел? – насупившись, отозвался незнакомец, становясь в подчеркнуто независимую позу, складывая руки на груди. – Шел бы ты отсюда, спаситель хренов, будто мы и не встречались вовсе!

Теперь можно было лучше рассмотреть этого человека. Среднего роста, крепкий, коротко стриженный, лицо с крупными чертами, твердого, немного развязного выражения. Облачен был в грязную натовскую полевую форму и разгрузочный жилет с расставленной по карманам амуницией. По некоторым признакам, вроде куска зеленой тряпки, обхватывающей руку выше локтя и особому клановому браслету, в нем можно было увидеть принадлежность к сталкерской группировке «Свобода».

– Никак не получается, – Бука покачал головой. – За последние сутки ты – мой второй спасенный, хочешь ты того или нет. И если ты слышал про меня и понимаешь, что из этого следует – ты пойдешь со мной. Когда успокоишься и захочешь узнать больше – я все тебе объясню. Все, что сам понимаю. Но, конечно, заставить тебя я не могу.

Бука демонстративно отвернулся и пошел прочь. Петля поплелся следом, время от времени оглядываясь вполоборота. Сталкер некоторое время угрюмо размышлял, глядя Буке в спину, и чуть склонив голову на бок. И видно, не нашел другого выбора, кроме, как подхватить автомат и тяжелый «сидор», перепрыгнуть через бетонную опору и не спеша догнать их. Он бросил короткий равнодушный взгляд на ползающих в траве, пытающихся подняться бандитов, презрительно сплюнул сквозь зубы, приблизился к Буке.

– Я не знаю, что за игру ты затеял, – сказал свободовец. – Но ты не можешь вот так запросто играть жизнями людей.

– Надо было дать им прикончить тебя? – просто спросил Бука.

Сталкер некоторое время молчал, потом угрюмо признался:

– Да, ситуация была дерьмовая. Они бы меня кокнули – как пить дать. Как я ни прикидывал – все равно дело было дрянь. Ты действительно меня спас, Бука, и я буду последним уродом, если не признаю это. Только ведь ты это сделал неспроста, верно?

– Да, – коротко сказал Бука.

– Ты знал, что я здесь, в опасности, и специально шел спасать меня?

– Да.

– Вот, черт... – сталкер покачал головой. В глазах его была растерянность. – И что же дальше?

– Осталось четверо.

– Что это значит?

– Нужно спасти еще четверых – и я выполню условие, – задумчиво сказал Бука. – И тогда я найду...

Он прикусил губу, и не сказал больше ни слова.

Уже вечером, когда нашли более-менее подходящее место для ночлега – вдали от аномалий, с нормальным радиационным фоном и хорошим обзором – сталкер подсел поближе к Петле и предложил:

– Рассказывай.

Сталкер носил странное прозвище – Маус. Не оттого, что хоть чем-то напоминал мышь, отнюдь. Просто поначалу собраты по клану именовали его Мики – как производное от фамилии Микешин. А кто-то возьми, да и ляпни в сердцах, да по пьяни – «Мики ты, мол, Маус!» С намеком на известную в Зоне аномалию. Дело, вроде, до драки дошло, но погнало прилипло намертво, и теперь уже сам обладатель представлялся именно так – чтобы ни с кем не спутали.

Сейчас они сидели у маленького костерка, прикрытого со всех сторон камнями. Грелись. Где-то рядом тихо поблескивала разрядами вовремя обнаруженная мясорубка. Она почти не раздражала, как и подозрительные звуки в зарослях – в Зоне ко всему привыкаешь. Только, вот, со жратвой была проблема, голод забивали разговорами.

Бука сидел чуть в стороне, повернувшись спиной и неподвижно глядя в темнеющее небо. Это он любил: сидеть молча, созерцать и слушать Зону. Это помогало не думать – ни о том, что предстоит, ни о том, из-за чего все это началось. Иногда это очень важно – не думать...

Петля тихо пересказал версию Буки. Сидя неподалеку, тот наверняка все слышал, но даже не шелохнулся. Маус выслушал все спокойно, словно ни история про Монолит, ни его странное «условие» о шести спасенных сталкера не тронули. По крайней мере, по его жесткому лицу трудно было понять отношение к услышанному. Впрочем, под конец лицо его странно исказилось, и он произнес загадочную фразу:

– Выходит, сон был в руку...

Петля не решился спросить, что за сон такой видел Маус. Вместо этого осторожно поинтересовался:

– Чего они от тебя хотели, бандиты-то?

Тут на лице сталкера появилось отвращение, он привычно сплюнул и процедил сквозь зубы:

– Слышал, что у Свалки завалили банду Анатолича?

– Что-то такое слышал, – бледнея и запинаясь, отозвался Петля.

– Ну вот, у бандитов на этой почве сразу нереальный кипиш поднялся. Эти ослы, походу, решили, что банду прикончила «Свобода».

– Действительно глупость, – пробормотал Петля. – Зачем это нужно вашим?

– Ну, да, – равнодушно продолжил Маус. – Стало быть, по их мнению, наши порешили братков, забрали деньги и, значит, хабар себе прибрали. Все это как-то мимо меня прошло, но по ходу, кто-то из наших решил подзаработать. Ну и по заказу бандюков нашли им какую-то ценную дрянь в районе Агропрома и забили стрелку с уголовниками. Только вот, бандиты со стрелки так и не вернулись. Да и наши ребята – тоже. Мне, как сообщения на ПДА посыпались – я охренел не на шутку: это ж целая братская могила! Вот, всегда говорил: мужики, не связываетесь вы с этой гопотой, ничего хорошего из этого не выйдет. Вместо бабла зарабатываешь себе реальный геморрой. Так и получилось. И вот, эти отморозки ломанулись в Зону – искать виноватых. Но я подозреваю, их больше хабар интересует. Что-то там было особенное. А я просто под руку подвернулся. Войну они, значит, «Свободе» объявить решили.

– Так значит, это были ваши... – пробормотал Петля.

– А ты что-то знаешь? – насторожился Маус.

Петля судорожно вздохнул, поежился. Он опасался реакции этого крутого сталкера. Но начинать совместный и, видимо, опасный путь с недомолвок было бы еще хуже. И он выложил все, как было, немного скомкав подробности, но суть передав верно.

Некоторое время сталкер молчал, переваривая услышанное. Петля ждал, что тот, как следует, пройдет по нему и его бандитскому прошлому. Но Маус неожиданно сказал:

– Выходит, не врет Бука. Серьезное он что-то замыслил, и мне это не нравится. Очень не нравится.

– Так давай уйдем! – Петля вплотную подполз к сталкеру и горячно зашептал ему на ухо. – Уйдем пока не поздно! Я вспомню, где зарыт этот проклятый контейнер с хабаром, бандитам его отдадим – и все уgomонятся! И войну предотвратим, и от этого Буки избавимся...

Сталкер брезгливо отклонился, даже чуть отсел под болезненным напором Петли. Глянул на него через плечо, и сказал веско:

– Все это – крысиные базары, парень. Может, нам еще вместе под пулями ходить. И хотелось бы знать, к кому не стремно спиной повернуться. Если хочешь, чтобы я тебе доверял – чтобы подобного я больше не слышал. К тому же я дал ему слово.

Маус кивнул в сторону неподвижно сидящего Буки.

– Если хоть какое-то слово имеет значение в Зоне, то это – слово сталкера.

Петля невольно съехался, опустил голову. На фоне Мауса он чувствовал себя полным ничтожеством. Впрочем, не привыкать. Он угрюмо достал сигареты, закурил. Спohватившись, предложил Маусу. Тот потянулся, взял сигарету, привычно сунул в рот, потянулся к костру за горящей веточкой... И вдруг замер удивленно, прислушиваясь к собственным ощущениям.

– Странно, – сказал он, вынимая сигарету и рассматривая, как найденный в Зоне неизвестный науке артефакт. – Вчера курить хотел – просто умирал – мои-то кончились. А сейчас даже не тянет. Вообще не тянет! Никогда еще со мной такого не было...

Петля выпустил дым, произвольно создав очередь из расплывающихся колец. Странно – не то слово. Что ни говори – Зона.

Глава четвертая. Воздух «Свободы»

Наверное, Бука готов был бесконечно продолжать свои поиски, по инерции чувствуя себя в Зоне, как дома, но организмы спутников брали свое: жрать хотелось невыносимо, начинала одолевать жажда. Кроме того, стоило вооружиться посерьезнее: двустволка, пистолет-пулемет и АКМ без патронов – не слишком серьезный аргумент для жителей и гостей Зоны. Ближайшим местом, где можно было разжиться едой и оружием, был временный лагерь группировки «Свобода», расположившийся по пути Темную долину, этот потайной карман Зоны. Становилось понятно, отчего так приободрился Маус, который шел теперь впереди и тянул за собой всю компанию: он шел к своим.

Уже на подходе к территории, контролируемой свободовцами, их остановил своеобразный кордон. «Свобода» не признавали официальных, и потому не сочли нужным возводить стационарный блокпост или хотя бы ставить шлагбаум. Просто откуда-то из придорожных кустов раздался скрежещущий писк, и ленивый мегафонный голос произнес:

– А ну, стоять! Руки подняли – чтобы я видел...

Все трое, включая сталкера, послушно остановились.

– Маус, ты, что ли? – поинтересовался невидимый мегафон.

– Нет, это мой засланный клон из военных лабораторий, – отозвался Маус. – Не видишь, что ли? Сейчас в лагерь приду, как пукну – и конец всей «Свободе».

– Теперь вижу, что Маус, – довольно хрюкнул мегафон. – А с тобой кто?

– Все свои, – спокойно сказал Маус.

– Про замес с бандюками слыхал? – поинтересовался мегафон. – Кислый сказал – подозрительных к лагерю не подпускать, урки могут реальную свинью подложить.

– А что, у нас теперь Кислый за главного? – без особого интереса спросил Маус. – Ну, так передай ему: я за этих ручаюсь.

– Ну, если ручаешься – базара нет, – легко согласился мегафон. Проходите.

Пискнуло – и снова стало тихо. Все, проверка закончена.

Это на блокпосту у военных стали бы обыскивать, выяснять, требовать документы и в попу фонариком светить. У бандитов и того хуже: сели бы в кружок на корточки и, поигрывая цепями и ножичками, стали бы просвечивать – где был, с кем пил, где сидел и не крыса ли ты засланная, а ну, колись, падла! Что-то есть в бандитах от НКВДэшников – наверное, долгое совместное общение наложило отпечаток.

А в «Свободе» нравы простые – это вам не военные или чересчур уж серьезные ребята из «Долга». На то она и «Свобода», чтобы плевать на формальности с высокой колокольни. Именно потому сюда и тянутся всякие сорвиголовы и любители вольной жизни. Хотя, конечно, внешнее отсутствие дисциплины и строгого руководства группировкой не означает, что клан не может сконцентрироваться в случае необходимости в грозную боевую силу. Впрочем, здесь вряд ли сейчас много народа: основная база – на Милитари, здесь же – перевалочный пункт перед Темной долиной.

Мелко заморосил дождик: вот вам еще одна, не слишком опасная аномалия – в Темной Долине всегда пасмурно и сыро, хоть на сотни верст вокруг будет всю жарить солнце. И воздух здесь своеобразный: на непривычного человека может подействовать, как дым марихуаны. Возможно, оттого свободовцы такие своеобразные ребята – в целом позитивные и незлобивые, но могут и грохнуть ни с того, ни с сего – просто потому, что послышалось или привиделось что-то.

Разбитая дорога привела к небольшой поляне, за которой, в туманной дымке виднелись какие-то руины. На полянке небольшими группками сидели сталкеры, человек пятнадцать,

не меньше. Для свободолюбивых бродяг это было необычайное скопление: сразу становилось понятно, что это неспроста. Похоже, «Свобода» стягивала силы.

– Вы тут меня подождите, – сказал Маус, окидывая взглядом поляну. – Я пойду, перетру с Кислым по поводу оружия, жратвы и, вообще, обстановки. Сдается мне, что в этих местах скоро будет жарко. Вы тут сильно в разговоры не лезьте – мало ли что про нас подумают. Особенно это тебя, Петля, касается. Да и ребята, смотрю, на взводе...

Петля недоуменно огляделся. Трудно было понять, из чего сталкер сделал такой вывод: публика выглядела более, чем спокойной, даже расслабленной. Каковы же свободовцы, когда действительно все спокойно? Впрочем, делать выводы так, походя, не стоило, тем более, находясь в лагере враждебной группировки...

Стоп, подумалось вдруг Петле. Неужто, он по-прежнему относит себя к бандитам? Это было, конечно не так, но его не покидал страх разоблачения. Мало ли что взбредет в голову этим анархистам – еще решат линчевать для острстки...

Пока Петля топтался на месте и обливался холодным потом, Бука спокойно прошел по полянке, между компаниями, направляясь к какому-то отдаленно стоящему приземистому зданию. Завидев Буку, сталкеры стихали и провожали его долгими взглядами. Впрочем, едва его фигура подернулась дымкой мелкой водяной взвеси, сталкеры вернулись к своим тихим разговорам.

Петля поискал, куда бы присесть: ноги ломило от долгой ходьбы. Взгляд упал на небольшой костерок и толстое бревно перед ним. На бревне с задумчивым видом сидел бородатый сталкер с зеленой повязкой на голове, чем-то напоминавший пожилого хиппи. С образом несколько не монтировался автомат в его руках, который сталкер неторопливо разбирал, протирая детали тряпочкой. Петля подошел и сел на краешек бревна. Протянул к огню руки. Тепло приятно пробежало от ладоней, по рукам к телу. Только, вот, от дыма тянуло какой-то химией.

– Жрать хочешь? – неожиданно спросил сталкер.

Петля шумно сглотнул, ответил:

– Ага...

– Держи!

Он едва успел поймать небрежно брошенную банку. Посмотрел: это были кильки в томатном соусе. Черный Сталкер! Судя по маркировке, выпущены они были не только до распада Союза, но еще до первого распада на Чернобыльской АЭС! Петля неуверенно покопался на соседа: тот уже почти собрал свой «калаш» – древнее «весло» с деревянным прикладом. Отказаться от сомнительного угощения было как-то неловко и даже страшновато. Но Петля слышал, что крутые сталкеры не боятся ботулизма: многие не брезгают подъедаться запасами с заброшенных военных складов и магазинов из покинутых населенных пунктов. Конечно, большую часть продовольствия давно растащили мародеры, но если знать места...

Петля беспомощно огляделся: он не представлял, как открыть банку – ножом он так до сих пор не разжился. Даже не догадался отобрать «перо» у одного из покалеченных бандитов. Оно, может, и к лучшему: не самое подходящее место, чтобы рисоваться с бандитским оружием в гостях у конфликтующей с урками «Свободы».

– На! – сосед, не глядя, протянул стандартный штык-нож.

– Спасибо... – смущенно пробормотал Петля. Взял нож и принялся вскрывать банку.

Никогда в жизни он не ел ничего вкуснее, чем эти самые залежавшиеся кильки. Может, тут дело в более, чем тридцатилетней выдержке, а может, просто в зверском голоде. Оставалось только надеяться, что вслед за насыщением не придет горькая расплата пищевым отравлением.

– А чего это Бука вдруг притопал? – продолжая возиться с автоматом, поинтересовался сталкер. – Давненько он к нам не заглядывал.

– Ну... – неопределенно протянул Петля, выгребая из банки остатки соуса и облизывая пальцы.

– И вообще, откуда у Буки такая компания взялась? – сталкер вдруг пристально посмотрел на Петлю и неожиданно протянул руку. – Грыня. Зовут меня так.

Петля вытер о куртку пахнущие рыбой пальцы и пожал сухую узкую ладонь.

– И как вы только не боитесь бродить с ним рядом? – проговорил Грыня. – Небось, ищите чего?

Петля хотел, было, уже придумать какую-нибудь отмазку, чтобы не вдаваться в подробности, но Грыня, казалось уже и сам потерял интерес к собственному вопросу. Он сунул руку в развалившийся у его ног рюкзак, выдернул и протянул Петле пузатую, со вмятинами в боках, армейскую флягу.

– Хочешь глотнуть крепкого? Вкуснятина, напиток богов!

Петля невольно облизнулся: после всех перенесенных стрессов выпить хотелось невероятно. Соблазн был велик и, в конце-концов – кто может запретить глотнуть на привале немного горячительного? Он принял из рук Грыни фляжку, свинтил крышку, повисшую на цепочке и хорошенько хлебнул из горлышка. Одним лишь злым духам Зоны известно, что за адская смесь была в сталкерской фляжке: горло и пищевод будто охватило огнем. Петля закашлялся, а Грыня беззвучно рассмеялся: наверное, это у него такой юмор – угощать незнакомцев кислотой из подвалов заброшенных лабораторий.

– Что это? – просипел Петля.

– «Ведьмин студень», – довольно пояснил Грыня, также прикладываясь к фляжке. Посмаковал, причмокивая. – Собственный рецепт, секрет фирмы.

Петля вдруг почувствовал, как приятное тепло охватило тело, и тут же перестало жечь горло. Он протянул руку:

– Можно еще глоточек?

– Только не увлекайся, – усмехнулся сталкер, протягивая флягу. – Эта штука слона с ног срубит.

Через несколько минут Петля уже активно выкладывал Грыне свою историю, несколько заплетаясь в словах потяжелевшим языком. Этот Грыня оказался мастером вытягивать нужную ему информацию. И, похоже, во фляжке-то была настоящая «сыворотка правды». Так что скоро Петля, активно жестикулируя, уже вопрошал задумчивого Грыню:

– Вот спрашивается, чего такого он мог просить у Монолита, а? Ну, что ему, этому Буке надо?!

Грыня, раскуривший к этому времени какую-то подозрительную самокрутку, прищурившись на соседа, сказал негромко:

– А отчего же, Бука тоже человек, хоть и нелюдь. И уж кому-кому, а ему найдется, чего пожелать у Монолита. Если он, не врет, конечно, что был там. Хотя не слышал я, чтобы Бука хотя бы раз в своей жизни соврал.

– И что же? Что же он мог попросить?

– Ну, конечно, чужая душа – потемки, – резонно заметил Грыня. – Но было дело, приключилась с ним одна штука...

И сквозь едкий дым самокрутки Грыня поведал эту мрачную историю.

Оказывается, не всегда Бука был таким добровольным изгоем. Когда-то он пытался стать одним из них – обыкновенных людей, если таковыми вообще можно считать сталкеров. И обретался он не где-то – а тут, в среде свободовцев. И не потому, что предпочитал анархию, скажем, службе у военных сталкеров. Просто был здесь некогда сталкерский бар – аккурат в подвале вон того сарая. А была в том баре одна шмара – стриптизерша. Точнее, было их там несколько, а в эту (Милка, кажется, ее звали) и был влюблен Бука...

– Влюбленный Бука? – пьяно хохотнул Петля. – Даже не представляю!

– Не перебивай! – сказал Грыня и погрозил Петле двумя пальцами с зажатой между ними дотлевающей самокруткой. И продолжил рассказ.

Шмара эта была не то, чтобы какая там красotka – так себе была, но, вот, Бука в ней души не чаял. Наверное, именно из-за нее он и связался со сталкерами, пытаясь стать нормальным членом группировки. Начал вовсю тягать хабар из Зоны, деньжата у него завелись. Походу, девка эта и водилась с Букой только из-за денег, но он-то, дурак, был совсем зеленый, дикий какой-то, в подземельях да на болотах выросший – чудище из Зоны. И то, что она от него не шарахалась, как от кровососа, уже само по себе достойно уважухи. Неизвестно, чем бы вся эта романтическая байда закончилась, да только приключилась с той крошкой одна очень неприятная история. После крупного выброса, когда Зона снова начала расползаться, как гнойная язва, примчался Бука сюда – спасти свою любовь. А здесь все уже на ушах стояло: мутанты прут, как бизоны во время гона, аномалии возникают, как грибы после дождя. Вот так... Но Буку всем этим мне удивишь, на то он и Бука. И вот он нашел свою подружку и уже, вроде как, вытащил из бара, куда ломились взбесившиеся зомби. А девка возьми – да и влезь прямехонько в свежесозданную изнанку. Знаешь что такое изнанка? Хрень такая, невидимая, которая тебя выворачивает, как майку после стирки. Вот в такую хреновину и влезла ненароком его шмара. А теперь представь, что твой любимый человек прямо у тебя на глазах превращается в освежеванную тушу с ребрами наружу и дымящимися кишками под ногами...

Грыня прервал свой рассказ и стал медленно скручивать новую самокрутку. Лизнул краешек, прогладил, сунул в рот, прикурил от головешки и сказал:

– Вот с тех пор Буку среди людей и не видели. Словно он обозлился на весь мир. Хотя и странно это: ведь не люди с его подружкой все это сотворили, а Зона. Она, вроде как ему пальчиком погрозила: «Ты, мол, не воображай, что такой же, как все эти людишки. Я, мол, тебя породила, и жить ты будешь так, как я тебе скажу»...

Петля медленно поднялся с бревна. Его качало, перед глазами все плыло – то ли от этого адского «ведьминого студня» на голодный желудок, то ли от жуткого рассказа Грыни. Он шел куда-то, шатаясь, на него равнодушно косились отдыхающие сталкеры. Петле было мутно и страшно, перед глазами то и дел возникала эта дикая, невообразимая картина, словно он смотрел на мир глазами самого Буки: вот он стоит, держит за руку живую, красивую девушку, она делает шаг, и вдруг – раз! С треском лопается череп, и навстречу, сквозь вывернутые мышцы и ребра, прямо ему в руки выскакивает ее, все еще бьющееся сердце. И он стоит с этим трепещущим сердцем в руках, а перед ним медленно оплывает растерзанный труп...

Петля рухнул на колени. Его вырвало. Еще раз – словно тоже выворачивало наизнанку. Силы вдруг оставили его – и он отключился.

Когда он поднял тяжелые, будто налитые свинцом, веки, то понял: башка сейчас лопнет от боли.

– Эй, малый! – донесся сверху голос Мауса. – Ты как там, вообще – живой?

Петля застонал и заставил себя сесть. Огляделся. Похоже, он выпался в собственной блевотине. Ничего себе сочетание – «ведьмин студень» с тридцатилетними кильками...

– На, пей! – сказал Маус, протягивая пластиковую «литрушку» с водой.

Сталкер выглядел очень недовольным. Он нетерпеливо следил за тем, как жадно глотает воду его вынужденный попутчик, как пытается смыть с лица следы блевотины.

– Давай, вставай, – сказал он. – Бука нас ждет.

Это было похоже на какой-то акробатический трюк – настолько сложным оказалось подняться на ноги. При том, каждое движение отдавалось в голове острой болью. Но Петля взял себя в руки – и покорно плелся за Маусом. И снова на него смотрело множество глаз, но уже с каким-то другим выражением. С интересом, что ли...

На окраине поляны ждал Бука. Он молча сидел на перевернутом деревянном ящике. Здесь было много таких – наверное, приспособленных под стулья. Петля рухнул на один такой ящик, и гнилые доски затрещали под ним. Напротив уселся Маус. Петля поймал взгляд Буки: тот смотрел на него хмуро, неодобрительно. Петля пытался сообразить, что происходит, но мысли отказывались складываться в логические связи. Было просто хреново.

– Ты зачем все про нас растрепал, чмо болотное? – угрюмо поинтересовался Маус. – Почему весь лагерь только и болтает, что про Буку, Монолит и его желание? Тебе что, моего предупреждения было мало, надо было язык отрезать?

– А что я такого сказал? – пробормотал Петля, облизывая пересохшие губы.

– А ничего такого, – недобро усмехнувшись, сказал Маус. – Только по твоей милости нас теперь здесь психами считают, и Кислый отказывается давать нам оружие. И в Темную долину нас не пропустят. Вот так. И что делать будем, а?

В руках у Буки был теперь его кошмарненький обрубок-ПДА, на экране которого что-то бледно мерцало.

– Идти надо, – поведаль Бука. – Дальше, в Темную долину – сигнал идет оттуда...

– Чудненько, – кивнул Маус, сплевывая. – В Темную долину, ага. На ежа с голой задницей. Отлично.

Бука не обратил внимания на это ворчание. Он спрятал в сумку обрубок с ПДА и повторил:

– Надо идти.

– Надо, так надо, – не стал спорить Маус. Он пристально смотрел в глаза Петле. – Давай сюда свою «Гадюку». И магазины к ней.

Петля потянулся, было, к плечу, где должен был быть ремень пистолета-пулемета. Но «гадюки» при нем не оказалось. Он даже не мог вспомнить, когда и куда она делась.

– Просрал оружие, – констатировал Маус. Бросил короткий взгляд на Буку. – Я просто не понимаю, зачем было спасать это мясо? Оно даже для отмычки не годится – само тебя подставит.

– Простите... – пробормотал Петля.

– Черный Сталкер простит, – отозвался Маус, вставая. – Ладно, попробую еще кое с кем потолковать. Может, выторгую что-нибудь в долг. И чтобы пропустили...

В разговор ворвались звуки беспорядочной стрельбы – со стороны дороги и оттуда-то из зарослей. Кто-то истошно заорал:

– Урки прут! Окружают!

Поляна будто взорвалась: сталкеры подхватили оружие – и брызнули во все стороны, словно ждали команды к этому броску. И тут же, у костров, на местах, где только что спокойно позевывали свободовцы, полыхнуло огнем, жажнуло.

– Ложись! – заорал Маус.

Все трое попадали на землю. Над головой завывали осколки. А через пару мгновений – засвистели и пули.

– За мной! – крикнул сталкер. – Шустрее!

И все трое, отчаянно извиваясь и отталкиваясь локтями, поползли в сторону рассыпавшейся кучи трухлявых кирпичей – то ли остатков старого строения, то кучи изначально. Это, наверное, было не самое надежное укрытие, но оно было ближайшим. И, кроме того, оттуда уже лупил в сторону дороги какой-то залегший там свободовец.

Головную боль у Петли, как рукой, сняло, безо всяких таблеток. Рядом фонтанчиками взбрызгивала сырая земля: сомневаться не приходилось – били именно по ним. Откуда только взялись силы – Петля вырвался вперед приятелей и первым нырнул за спасительные кирпичи. Следом сюда плюхнулся Маус, последним неторопливо вполз Бука: он словно подчинялся правилам непонятной ему игры, будто его не могли пристрелить наравне со всем.

Груда кирпичей оказалась внешней стороной вполне сносно оборудованной огневой точки. Оборону здесь держал коренастый сталкер, небрежно набросивший на себя потрепанный бронежилет и даже напяливший настоящую ооновскую каску. Что характерно: каска была аккуратно прострелена со стороны виска, что придавала облику свободоовца довольно сюрреалистический вид. Вооружен он был тоже неплохо: в узкую бойницу между кирпичами торчал ствол ручного пулемета РП-74. Пулемет хлестко плевал в даль, под ногами коброй извивалась сверкающая лента с патронами. Похоже, именно этот парень не давал бандитам вырваться на оперативный простор, пока другие свободоовцы занимали круговую оборону. И эта груда кирпичей возникла здесь неспроста – скорее всего это была долговременная огневая точка: здесь была выкопана неглубокая яма, устеленная ветками. И неспроста здесь же лежал компактный шестизарядный гранатомет типа «бульдог».

Его, недолго думая, и подхватил Маус.

– Там три гранаты всего! – не отрываясь от прицела, прорывал свободоовец.

– И то хлеб! – проговорил Маус, подтягивая к себе гранатомет и внимательно всматриваясь вдаль.

Бандитов не было видно, но пули сыпались со всех сторон. Возможно, работали снайперы. Бука со своим бесполезным сейчас дробовиком предавался спокойному созерцанию тыла. Там по-прежнему была завеса водяной пыли, и можно было бы не думать о нападении, если бы не резкие пунктиры трассеров, то и дело прочерчивающих небо. Мысли его были далеко. Он смотрел на размытые в тумане старые стены, и перед ним проплывали картины прошлого. Есть такие картины, которые ты и рад бы стереть из памяти – да только они не записаны в ней, как на диске. Они выжжены раскаленным клеймом.

– Один есть! – глухо хохотнул свободоовец, поливая горячим металлом подступы к базе. Вокруг звенели горячие, дымящиеся гильзы. – Сейчас я и вот этого...

Резкий шипящий звук порвался в тишину, и Маус заорал:

– Ложись! – и собственным телом сбил оцепеневшего Буку.

Будто лопнуло что-то в ушах – и наступила резкая, ватная тишина. И только несколько секунд спустя стали возвращаться слух и зрение. Бука помотал головой, оглядывая окружающее пространство. Только что он сидел и смотрел в туманную мглу. Люди чего-то суетились, снова пытались убить друг друга, а потом, наверное, решили взяться и за него. И на этот раз не он спас кого-то – это Маус отплатил ему той же монетой...

Кирпичи разметало по поляне. Свободоовец продолжал сидеть в своей каске, сжимая рукоять пулемета, но теперь ствол его оружия был безобразно согнут, под каской же сталкера просто не было лица. Там была кровавая каша, усеянная кирпичной крошкой. Над вжавшимися в землю Петлей и Букой нависал Маус, весь в грязи, пыли и чужой крови. Он изо всех сил пытался докричаться до оглушенных товарищей:

– ... гребаный РПГ! Сейчас снова жажнут – уходим!

И первым бросился уползать, утягивая за собой тяжелый «бульдог». Бука и Петля не замедлили последовать за ним. Маус стремился добраться до ближайшего строения, похожего на трансформаторную будку. Петля первым заметил группу вооруженных людей в характерных черных плащах – те крались как раз со стороны руин – и отчаянно дернул ползущего впереди сталкера за штанину. Маус быстро сориентировался. Он не стал уточнять принадлежность этих неизвестных, а просто вскинул гранатомет, прицелился – и выстрелил. Граната гулко покинула короткий обрубок ствола и прошла где-то над целью. Маус чертыхнулся и бахнул вторично – на этот раз он сделал поправку, и граната врезалась в остатки стены за спинами бандитов.

Грохнуло, полыхнуло – трое, кувыркаясь, полетели в грязь. Еще двое – те, что крались чуть позади, мгновенно залегли в неровностях почвы, открыв беспорядочный огонь в направлении лагеря.

– Дай-ка, я... – проговорил Бука, поудобнее перехватывая дробовик.

– Ты что, очумел? – крикнул Маус. – У них автоматы!

Но Петля уже понял, к чему дело идет: Бука засовывал в стволы патроны, помеченные маркером.

– Я чуть поближе подползу, – сообщил Бука. – Прикрой меня...

И, бросив свою сумку, ловко пополз вперед.

– Как я тебя прикрою – у меня одна граната осталась! – пробормотал Маус.

Но прицелился и стал ждать. Укрывшиеся бандиты продолжали хаотическую стрельбу. Наверное, просто не слишком удачно прилегли: их не было видно, но и у самих обзор был хуже некуда. Это дало Буке возможность подкрасться на расстояние метров десяти. После чего он обернулся и сделал знак Маусу.

– Нет, ну реальный псих... – озадаченно проговорил сталкер. – Что ж я, по нему стрелять буду?

Дилемма была серьезная: из гранатомета навесом не всегда прицелишься, это вам не миномет, бьющий по площадям целыми россыпями мин. И если противника не видно – любая прицельная стрельба теряет смысл. Если, конечно, рядом с врагом нет какой-нибудь жесткой преграды, в которую может ударить граната, поражая укрывшегося противника осколками и взрывной волной. Маус заметил торчащий из земли обрубок бетонной балки. Похоже, ее-то бандиты и использовали в качестве прикрытия. Правда, в балку еще нужно попасть, да и Бука находился слишком близко... Маус отбросил сомнения, прицелился, задержал дыхание – и послал гранату точно в балку. Грянул взрыв. Если он и не уничтожил бандитов, то, уж точно, заставил на какое-то время вжаться в землю. Этим и воспользовался Бука: уже через пару секунд он стоял на ногах и, вжав в плечо приклад, быстро рванул вперед. Раздался характерный дуплет. Бука обернулся и помахал приятелям. Хорошая штука – жгучий пух вкупе с дробовиком: не надо особо целиться. Со сравнительного небольшого расстояния он поражает, пожалуй, пятно метра два в поперечнике.

– Чертов Рембо... – пробормотал Маус.

Он был весь в мыле от напряжения. Бросив бесполезный уже гранатомет, пригнувшись, перебежками направился в сторону Буки. За ним последовал и Петля.

Здесь было чем поживиться: у троих, приконченных гранатой имелись две штурмовые винтовки М-16 и «гадюка». Рядом с двоими, оглушенными гранатой и обожженными «жгучим пухом» из дробовика Буки, валялись старые, потрепанные «калаши». Кроме того, при беглом осмотре тел были обнаружены шесть гранат РГД-5 и один пистолет Макарова с запасной обоймой. В общем, ассортимент был налицо. Маус взял привычный «калашников», быстро собрал снаряженные магазины, пистолет и гранаты. Петля предпочел более легкую «гадюку». Потянулся было за гранатами, но сталкер нервно усмехнулся: «Еще не хватало, чтобы ты сам нас взорвал». Бука от смены оружия отказался. Друзья заняли оборону у полуразрушенной стены и прислушались к происходящему.

Тем временем стрельба потихоньку затихала. Похоже, атака бандитов захлебнулась. То ли она преследовала чисто психологические задачи – запугать, «навести шухеру», то ли имела целью просто пощупать оборону. А может, как это зачастую и случается у бандюков, сказалось отсутствие должной организации.

Так или иначе, вскоре на поляну стали подтягиваться сталкеры «Свободы». Кто-то истекал кровью от полученных ранений, а кое-кто сам идти уже не мог. Маус поднялся с земли, следом за ним поднялись Петля и Бука. К ним уже направлялся вразвалочку плотный свободовец с натовской штурмовой винтовкой на плече. Замедлил шаг, прошелся вдоль компании, осматривая тела убитых бандитов и косясь на трофеи. Наконец, сказал с усилием, будто нехотя:

– Маус, поговорить надо.

– Так вроде уж говорили, Кислый, – довольно развязно отозвался Маус.
– Ты это, не умничай, – насутился Кислый. – Отойдем, говорю!
– Ну, ладно, давай отойдем, – согласился Маус. – С хорошим человеком чего ж не поболтать лишний раз?

Уже в сторонке, присев на чудом уцелевшие в перестрелке деревянные ящики, косясь на Буку и нервно курящего Петлю, Кислый сказал:

– Знаешь, я, пожалуй, погорячился в том разговоре. Вижу, оружие вы и сами добыли.
– Так от тебя ж снега зимой не допросишься, – сказал Маус. – Ну а хочешь жить – умей вертеться!

– Но я дам стволы получше, – заверил Кислый. – И в Долину пропущу...

– О, как! – усмехнулся Маус. – И что же поменялось за последние пару часов?

Кислый задержал взгляд на неподвижно замершей фигуре Буки и сказал:

– А что – очень даже поменялось. Вы пятерых урок уложили, а они с тыла на нас перли. Еще не известно, чем бы дело кончилось, если бы не ты. И Бука, он тоже... В общем, не ожидал.

– Чего не ожидал? – усмехнулся Маус. – Что Бука на нашей стороне?

– А я и не думаю, что он на нашей стороне, – холодно сказал Кислый. – Он всегда только на своей стороне. Или на стороне Зоны – если то, что про него говорят – правда.

– Мало ли что говорят, – равнодушно отозвался Маус. Получилось довольно фальшиво.

– В общем, вышло так, что Бука... Хм... – лидер группировки замаялся. – Короче, выходит, что он нам помог, и мы теперь ему как бы обязаны. Ну и... Как бы нам не пришлось расплачиваться за эту его помощь.

– Ах, вот ты о чем! – удивленно произнес Маус, даже откинулся немного, чтобы получше рассмотреть собеседника. – Мне что-то такое даже в голову не пришло...

– А мне пришло, – хмуро сказал Кислый. – Помнишь, что с Гошей, Зюзей и Максом стало? Это ж для них Бука хабар таскал?

– Ну не Бука же их замочил. Их же на Периметре положили – на случайный патруль нарвались.

– Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю, – настойчиво гнул Кислый. – Какие тут, к черту, случайности! Они водились с Букой – и отправились на тот свет. Как и все остальные. Как и его девка, между прочим...

– Ну, нельзя же быть таким суеверным, – серьезно сказал Маус. – Сказки все это – про Буку.

– Так ты за ним из благотворительных соображений таскаешься? – поинтересовался Кислый. – Или что-то такое было? Ведь было, а? Ну, признайся!

– Не твое дело, – отрезал Маус.

– Вот то-то и оно! – с мрачным торжеством проговорил Кислый.

Маус решительно уткнул автомат прикладом в землю, и склонился поближе к собеседнику, опершись на ствол:

– Слушай, Кислый! Ты не бзди: он не тебя, и не лагерь – он меня спасал! Меня и того парня. А на клан ему плевать. Если тебя это успокоит, конечно.

– Вполне, – кивнул Кислый. – Но хочу сказать тебе одну вещь: оружие и жратвы я вам дам только для того, чтобы вы ушли. Немедленно. Сдается мне, что бандиты неспроста на нас поперли.

– Ты, что же, хочешь сказать, что их Бука навел?

– Я хочу сказать, что за ним всегда такой вот дерьмовый шлейф тянется, – сказал Кислый. – Я же сталкер, как и ты – я не верю в совпадения. Откуда с вами этот чудак – бандитская шестерка?

– Бывшая шестерка...

– Не важно. Грыня мне рассказал, что он выболтал по пьяному делу. О том, что они с нашими сотворили, суки. Но главное даже не это. Контейнер.

– Что – «контейнер»?

– Скажи мне честно, Маус – мы же давно друг друга знаем. Это все – из-за того контейнера? Бука его ищет?

Маус устало вздохнул и сказал нарочито медленно и четко:

– Нет, Кислый, контейнер Буке нахрен не сдался. У него другие интересы.

– Желание? – быстро спросил Кислый. – Он, правда, до Монолита добрался?

– Ну, Петля, ну, трепло... – покачивая головой, пробормотал Маус. – Да не знаю я, Кислый. Это же Бука – от него чего угодно ждать можно.

– Он, что, и вправду девку свою воскресить хочет? – выпучив глаза, тихо спросил глава группировки.

На это Маус мог только развести руками. Ну и народ, эти сталкеры! Вроде ж, взрослые люди, а вот, поди ж ты – склонность к разного рода «страшилкам» просто патологическая. И уже можно не сомневаться: скоро по всей Зоне пойдет новая легенда о том, как Бука воскресил свою ненаглядную, а Монолит, по вечной его склонности к извращению человеческих желаний, взял, да и сделал из нее зомби. Да еще такое, чтобы поужасней – с ребрами и кишками наружу. И теперь, мол, ходит по Зоне новое чудовище: стриптизерша, оголившаяся аж наизнанку...

Мауса передернуло от собственной, взбрыкнувшей вдруг фантазии. Все-таки, он такой же сталкер, как и все, а стало быть, сам – и создатель, и часть всех этих страшных историй.

– Не думаю, чтобы Бука на такое решился, – проговорил он. – Он, конечно, парень малость не в себе, но он же не клинический идиот. Никто не решится просить Монолит о воскрешении мертвеца... Бр, даже подумать страшно... Скажешь тоже!

– Тогда что же? – жестко прищурившись, спросил Кислый. – Что Бука мог попросить у Монолита?

– Не знаю, – сказал Маус. – Честно, не знаю.

– И что же, тебе даже не интересно?

Маус криво улыбнулся: хороший вопрос. Еще как интересно. Не может не быть интересной причина той истории, в которую он так некстати умудрился влипнуть. И которая еще неизвестно, чем закончится.

Но вслух сказал:

– Не интересно. В конце-концов, это не наше дело – испытывать чужие желания.

– Ну-ну... – странным тоном произнес Кислый.

Наверное, лидер «Свободы» и впрямь очень хотел, чтобы они поскорее убрались. Потому как допустил в святая-святых лагерь – в оружейный подвал. Не то, чтобы это было невесть какое богатство, просто лидеры группировок очень не любят, когда посторонние копаются у них в арсенале. Помимо всего прочего, сведения от запасов оружия могут использоваться в интересах одних группировок вопреки интересам других. Во время конфликта с бандитами это становилось особенно актуально. Потому, наверное, сюда и пустили одного только Мауса, который, как ни крути, посторонним, все же не был.

У приземистой двери, в нише стены старого барака, караулили два сталкера. Обычно здесь сидел один Гога, весьма крутой дядька, по виду, кавказского происхождения. Но сейчас рядом с ним сидел на корточках Ван, калмык по происхождению и первоклассный снайпер по призванию. Оба курили и, похоже, отнюдь не табак. Оба молча кивнули Кислому и его спутнику: Мауса здесь все прекрасно знали и не тратили времени на вопросы.

– Охрану усилили, – зачем-то пояснил Кислый, отпирая тяжелый амбарный замок на железной двери.

Спустились по крутой лестнице, прошли коротким коридорчиком, свернули в большую комнату, наполненную затхлым воздухом и металлом. Щелкнул выключатель, загорелась тусклая лампочка. Вот что никогда не перестает удивлять, так это присутствие электричества по всей Зоне. Все, что могло здесь сдохнуть – давно сдохло, а ток – в избытке. Так, говорят, «потеет» укутанный в свинец и бетон полупридушенный реактор.

В комнате вдоль стен, на железных стеллажах, на полу, на длинном железном же столе по центру было разложено оружие. Маус не стал тратить времени понапрасну, а сразу же принялся перебирать стволы, придирчиво осматривая каждый: здесь было много трофейного, испорченного в стычках оружия, и не хотелось бы случайно унести с собой тяжелый, но бесполезный хлам.

– А все-таки, что там было, в том контейнере? – как бы невзначай спросил Маус. – Это ж с твоего ведома ребята для бандитов жизнями рисковали, верно?

– Это было в интересах «Свободы», – сухо сказал лидер группировки. – Нам нужны бабки, им – хабар. Все, как обычно.

– Так что там было? – осматривая укороченный помповый дробовик, поинтересовался Маус. – Вроде, как жидкое такое, лучистое?

– Лучше тебе не знать, Маус, – устало ответил Кислый. – Все, проехали.

– А может, и не проехали, – оценивая балансировку компактной снайперской винтовки, задумчиво произнес Маус. – Контейнер-то остался в земле лежать. И наш чудак, вроде, как помнит – где именно...

Кислый заметно напрягся. Казалось, он не знает, как поступить и даже, что сказать на это заявление.

– Это я к тому говорю, чтобы нас ненароком свой брат-сталкер не подстрелил, – пояснил Маус. – Знаешь, как бывает, по случайности? Привиделось что-то, перепутал с кем-то. А вот вернемся целыми и невредимыми – я вам этого паренька живьем отдам – и делайте с ним, что хотите. Как тебе – интересное предложение?

– Может, сразу его нам отдашь? – треснувшим голосом сказал Кислый. – Договоримся.

– Сразу – никак не получается, – вздохнул Маус. – Договор – дороже денег. А договор с Букой – дороже вдвойне. Ты же умный, ты же все понимаешь.

Кислый нехотя кивнул. Спросил:

– Ну как, что-то выбрал?

– Похоже, что да, – довольно ухмыльнувшись, сказал Маус.

В руках он держал снайперскую винтовку «Прибой» с интегрированным глушителем и отличной оптикой.

– Возьму, пожалуй, вот эту штуковину, – сказал Маус. – Пару запасных магазинов к ней и патронов, сколько дашь.

– А у тебя губа не дура, – не слишком довольный сказал Кислый. – У меня такая одна!

– Жив буду – верну, – пообещал Маус. – Еще возьму вот этот «калаш» для Петли – нечего ему с «гадюкой» налегке прохлаждаться. И автоматический дробовик для Буки. СПСА-14 – то, что нужно, хватит уже этой берданкой за кусты цепляться... Ух, ты, «Аль-пиец»!

Свободной рукой Маус подхватил со стола массивный пистолет с глушителем. Быстро осмотрел, сказал:

– И его, пожалуй. А еще вот этот детектор аномалий.

– «Сварог», что ли? А рыха не треснет? – пробурчал Кислый.

– Еще, пожалуй, прибор ночного видения возьму – как-никак, в Темную долину идем, пригодится, – не слушая его, продолжил Маус. – Так, что еще... Бронежилеты возьму. А что, получше ЧН-3 ничего нет, что ли?

– Бери, что дают! – хмуро бросил Кислый.

- Ладно-ладно, беру. А наш хлам тебе взамен оставляю.
- Противогазы нужны? – поинтересовался Кислый. – Нанюхаетесь там всякой дряни...
- Хм... протянул Маус. – Возьмем, пожалуй. Да, и чуть не забыл самое главное: аптечки и универсальный антидот.

Глава пятая. Аномалия

Темная долина встретила их дождем. А могла встретить чем угодно – от жарки до мощного гравиконцентра. Или еще чем похлестче – тем, что вообще не определяется детектором аномалий. На то она и Темная долина – постоянно готовит незванным гостям новые сюрпризы. Маус внимательно следил за обстановкой, краем глаза поглядывая на показания детектора.

Вообще-то соваться сюда без спецкостюма с хорошей защитой вообще не стоило. Но впереди шел Бука – а ему, как известно, никакие аномалии не страшны – он будто чувствует их. У сталкера не раз была возможность убедиться в этом: заметив прямо по курсу притаившийся у края тропы «трамплин», прикусил губу, внимательно следя за Букой. Тот шел чуть впереди, и когда уже был в опасной близости от аномалии, Маус хотел было окликнуть его. Но Бука сам остановился, поглядел в пустоту и перевел взгляд на сталкера, на детектор в его руке. Маус почувствовал, как краснеет. Бука все прекрасно понял. Нехорошо вышло, вроде подставы. С этого момента, уже сталкер шел впереди, тщательно отслеживая аномалии.

Темная долина богата артефактами. Здесь всегда есть, чем разжиться – особенно, если знаешь, где искать. Оттого-то и любили здесь пастись братья-свободовцы. Это вроде собственных охотничьих угодий «Свободы», хотя, конечно, и здесь можно встретить чужаков. Но одно дело просто пришлые искатели приключений на собственную задницу, и совсем другое – бандиты, повстречать которых сейчас – особенно опасно.

Впрочем, выбросов не было уже давно, а потому и артефакты теперь оставались довольно стандартными: выверт, грави, волчьи брызги, слизь или бенгальский огонь, реже – мамины бусы. Ну и прочие богатства Зоны, которые нужно добывать, ползая на карачках, словно золотоискатель, перемиывающий породу в поисках крупницы золота. А вот как хлопнет в районе АЭС, да еще и занесет сюда радиоактивное облако – так полезут сюда сталкеры всех мастей – как мыши на сыр в мышеловке. Потому как найти уникальный артефакт, ране неизвестный науке – вот это настоящая добыча. Это как алмаз размером с кулак – только наверняка радиоактивный и несущий прочие побочные эффекты. Однажды Маусу улыбнулась такая удача и он неплохо поднялся. Но деньги имеют свойство быстро таять, а Зона зовет сталкера, как преступника на место преступления.

Впрочем, сейчас они шли не за артефактами. Бука, насквозь мокрый, со своими длинными свалывшимися патлами еще больше напоминавший сейчас кровососа, то и дело поглядывал на ПДА, намертво вплавленный в мертвую черную руку, и уверено тащил за собой остальных.

Эта его самоуверенность едва не стоила всем гибели. Он шел сквозь дождь так спокойно, не таясь, не вслушиваясь в подозрительную тишину туманной низины, что и опытный Маус несколько расслабился. Спасла только его молниеносная реакция и привычка заранее снимать оружие с предохранителя: за спиной ощутимо дрогнула земля. Маус успел обернуться и вскинуть винтарь: из водяной завесы дождя, прямо на шедшего чуть сбоку Петлю, вылетела огромная стремительная туша.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.